

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОВСКИХ НАУК И
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Кафедра общей и этнической социологии

Л.Р. Низамова

**НАЦИЯ,
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ**

Конспект лекций

Казань – 2014

Направление подготовки: 040100.68 «Социология» (магистр, очное обучение).

Учебный план: «Социология культуры», очное, 2013 год.

Дисциплина: М2.ДВ. 4 «Нация, нациестроительство и мультикультурализм», 2 курс, форма контроля – зачет.

Количество часов: 108 ч. (в том числе: лекции – 20, практические занятия – 10, самостоятельная работа – 78).

Аннотация: Магистранты осваивают ведущие концепции в области изучения наций, национализма и мультикультурализма; формируются представления о нациестроительстве в условиях культурного многообразия и глобализации; раскрывается понятийный аппарат и аналитический "арсенал" зарубежных и отечественных социально-политических исследований для объяснения процесса нациестроительства, формирования гражданской нации и одновременно обеспечения этнокультурных прав меньшинств и интеркультурного диалога в современной России.

Темы:

1. Нация и национальное государство в эпоху модерна: классические подходы.
2. Современные теории национализма: за и против национального государства в эпоху глобализации.
3. Большинство, меньшинства и националистические движения в XX - начале XXI вв.
4. Мультикультурализм в повестке дня последней трети XX столетия.
5. Мультикультурализм и гендерное неравенство.
6. Религиозные свободы и многоконфессиональность в контексте идеологии и политики мультикультурализма.
7. Современная критика мультикультурализма: поиски альтернатив "мозаичному" и разобщенному обществу.

8. Актуальные проблемы (дилеммы) аккомодации культурного плюрализма в современной России.
9. Нациестроительство в России конца XX - начала XXI вв.: формирование политической нации и сохранение культурного многообразия.
10. Поликультурное образование в России: история и современность.

Ключевые слова: нация, национализм, нациестроительство, этническое меньшинство, национальное меньшинство, мультикультурализм, многоконфессиональность, интеркультурность, межкультурный диалог, поликультурное образование

Дата начала эксплуатации: 1 сентября 2014 года.

Автор курса: Низамова Лилия Равильевна, доцент кафедры общей и этнической социологии, кандидат социологических наук, email: lnizamov@kpfu.ru

URL электронного курса в MOODLE:

<http://zilant.kpfu.ru/course/view.php?id=17117>

СОДЕРЖАНИЕ

1. Тема 1. Нация и национальное государство в эпоху модерна: классические подходы.....	С.7
1.1 Аннотация	
1.2 Методические рекомендации по изучению темы	
1.3 Рекомендуемые информационные ресурсы	
1.4 Вопросы и задания для самоконтроля	
2. Тема 2. Современные теории национализма: за и против национального государства в эпоху глобализации.....	С. 13
2.1 Аннотация	
2.2 Методические рекомендации по изучению темы	
2.3 Рекомендуемые информационные ресурсы	
2.4 Вопросы и задания для самоконтроля	
3. Тема 3. Большинство, меньшинства и националистические движения в XX - начале XXI вв.	С. 21
3.1 Аннотация	
3.2 Методические рекомендации по изучению темы	
3.3 Рекомендуемые информационные ресурсы	
3.4 Вопросы и задания для самоконтроля	
4. Тема 4. Мультикультурализм в повестке дня последней трети XX столетия.....	С. 26
4.1 Аннотация	
4.2 Методические рекомендации по изучению темы	
4.3 Рекомендуемые информационные ресурсы	
4.4 Вопросы и задания для самоконтроля	
5. Тема 5. Мультикультурализм и гендерное неравенство.....	С. 34
5.1 Аннотация	
5.2 Методические рекомендации по изучению темы	
5.3 Рекомендуемые информационные ресурсы	
5.4 Вопросы и задания для самоконтроля	
6. Тема 6. Религиозные свободы и многоконфессиональность в контексте идеологии и политики мультикультурализма.....	С. 39
6.1 Аннотация	

6.2	Методические рекомендации по изучению темы	
6.3	Рекомендуемые информационные ресурсы	
6.4	Вопросы и задания для самоконтроля	
7.	Тема 7. Современная критика мультикультурализма: поиски альтернатив "мозаичному" и разобщенному обществу.....	С. 47
7.1	Аннотация	
7.2	Методические рекомендации по изучению темы	
7.3	Рекомендуемые информационные ресурсы	
7.4	Вопросы и задания для самоконтроля	
8.	Тема 8. Актуальные проблемы (дилеммы) аккомодации культурного плюрализма в современной России.....	С. 52
8.1	Аннотация	
8.2	Методические рекомендации по изучению темы	
8.3	Рекомендуемые информационные ресурсы	
8.4	Вопросы и задания для самоконтроля	
9.	Тема 9. Нациестроительство в России конца XX - начала XXI вв.: формирование политической нации и сохранение культурного многообразия.....	С. 59
9.1	Аннотация	
9.2	Методические рекомендации по изучению темы	
9.3	Рекомендуемые информационные ресурсы	
9.4	Вопросы и задания для самоконтроля	
10.	Тема 10. Поликультурное образование в России: история и современность.....	С. 68
10.1	Аннотация	
10.2	Методические рекомендации по изучению темы	
10.3	Рекомендуемые информационные ресурсы	
10.4	Вопросы и задания для самоконтроля	
	Общий список литературы и источников по дисциплине «Нация, нациестроительство и мультикультурализм.....	С. 75
	Список вопросов к зачету.....	С. 79

Примерная тематика учебных работ по	
курсу.....	С. 81
Методические указания по подготовке отчетов и презентаций по	
дисциплине.....	С. 83

Тема 1. Нация и национальное государство в эпоху модерна: классические подходы

Аннотация. Раскрываются содержание категорий «нация» и «национализм», «нациестроительство», фундаментальные положения классических теорий, объясняющих формирование национальных государств в модерную эпоху, а также этнополитические трансформации в посткоммунистических странах.

Ключевые слова: нация, национализм, нация-государство, гражданский национализм, этнический национализм, нациестроительство.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Важной составляющей освоения материала является подготовка к семинарскому занятию с использованием основной и обязательной литературы (См. план семинарского занятия по теме), интернет-источников. При этом следует прибегнуть к конспектированию и реферированию изучаемых источников с позиций их критического анализа. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку литературы, рекомендованной к семинарскому занятию.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. Введение, Гл. 2, 3.

2. Кон Х. Идея национализма // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 3.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. Предисловие к русскому изданию, Гл. 1, 3, 7.
4. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 1 С. 147 – 164, № 2 С. 247– 268.
5. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие.- М.: КДУ, 2005.
6. Электронный образовательный ресурс URL:
<http://zilant.kpfu.ru/course/view.php?id=17117>
7. Brown D. Are there good and bad nationalisms? // Nations and Nationalism.- 1999. vol. 5(2).

В последние двадцать лет в отечественной науке серьезно пересмотрено содержание понятий «нация» и «национализм»; теперь их трактовка сблизилась с общемировыми подходами. Термин «нация» более не применяется в отношении этнических групп, различающихся с точки зрения культуры, а характеризует государственно-политические сообщества граждан, складывающиеся с конца XVIII века в контексте развития индустриального современного общества. Речь идет, например, о французской нации, американской нации, формирующейся сегодня российской нации, которые являются полиэтническими. Например, существует единое политическое сообщество американской нации, которая объединяет людей разного этнического и расового происхождения (есть одна американская нация и множество составляющих ее этнических и расовых групп). С точки зрения Б.Андерсона, нация – «... это воображенное политическое сообщество», понимаемое как «горизонтальное товарищество» равноправных граждан, объединенных сильным чувством принадлежности к данному политическому единству

(Андерсон, 2001). Гражданская идентичность и чувство принадлежности к единой нации равноправных индивидов исторически приходит на смену подданству и лояльности династической монархии. Известный теоретик национализма Х.Кон отмечал, что «национализм в современном понимании этого термина не старше второй половины XVIII века. Его первой манифестацией стала Французская революция, придавшая этому новому движению все возрастающую динамическую силу» (Кон, 2001: с. 419).

Представление о национализме как идеологии и политике возвеличивания своей нации и разжигания национальной розни и расовой ненависти на сегодняшний день представляется ограниченным и недостаточным. С точки зрения авторитетного исследователя национализма Э.Геллнера, националистический принцип ни плох и ни хорош; «это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими», «а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» (Геллнер, 1991: с. 24). Модерное индустриальное общество характеризуется, по Э.Геллнеру: 1) большой мобильностью и интенсивностью социальных взаимодействий огромного числа людей; 2) механизированным и стандартизированным трудом, требующим обучения и следования формальным правилам; 3) высокой культурой, то есть культурой, передаваемой с помощью формального типового обучения; 4) утверждением «общей космополитической культуры индустриализма», стирающей языковые, этнические и религиозные различия; 5) небывалым накалом национализма; 6) обязательным наличием государства, предполагающим политическую лояльность и чувство патриотизма; 7) формированием политико-правового (гражданского) равенства в сообществе нации.

Примечательно, что не нации «рождают» национализм, а, напротив, национализм является той политической силой, которая приводит к формированию современных наций-государств в Западной Европе и Северной Америке в XIX – начале XX вв. Национализм – это идеология и практика,

основанная на убеждении, что народ, имеющий общие характеристики языка, религии или этнической принадлежности, представляет своеобразную политическую общность (Аберкромби и др., 2004: с. 282). Это означает, что развитие индустриального общества сопровождается ростом национализма, то есть интеграцией народных масс в общую политическую форму. Следовательно, «...национализм предполагает существование, в реальности или идеале, централизованной формы правительства, обладающего юрисдикцией над обширной и отдельной территорией» (Кон, 2001: с. 421).

Существуют разные виды национализма. Одним из наиболее широко признанных и в то же время неоднозначных является различие этнического (культурного) и гражданского (политического) национализма. В первом случае нация понимается как этнокультурная общность с глубокими историческими корнями, отличающаяся социально-психологической близостью и генетическим родством. Субъектом самоопределения в этом случае выступает этнос. Гражданский национализм предполагает, что субъектом самоопределения является «демос» как территориальное сообщество, полиэтнический, как правило, народ (Тишков, 1999). Нация, соответственно, есть политическая общность (согражданство), отличающаяся своим национальным характером и гражданской культурой. Зачастую этнонационализм подвергается резкой критике как «плохой» и авторитарный. Уместной альтернативой ему видится гражданский национализм («гражданская нация»), который ассоциируется с либеральными ценностями, существованием среднего класса и рациональными узами гражданского общества.

В начале 2000-х гг. Россия вступила в новый этап своего политического развития, получив на рубеже столетий очередной исторический «шанс» стать национальным государством. Наиболее отчетливо основные черты текущего периода формирования российской нации-государства обозначились в последнее десятилетие в контексте политической линии В.Путина. Она получила выражение в решительном укреплении российской государственности и властной «вертикали»; сопровождалась переосмыслением

советского наследия национального самоопределения и федерализма. На смену политике 1990-х гг., приведшей к децентрализации управления и упрочению региональных элит, пришла центростремительная федеральная политика, сфокусированная на необходимости консолидации общегражданского самосознания россиян.

Специфика нациестроительства в посткоммунистических странах была верно оценена американским исследователем национализма Р.Брубейкером, который выявил несколько типов национализма, сложившихся на постсоветском пространстве. Политические процессы в странах бывшего коммунистического блока и на территории бывшего СССР во многом определялись силой так называемого *«национализирующего национализма новых независимых государств»* Центральной и Восточной Европы (Брубейкер, 2000). В соответствии с практикой *«национализирующего национализма»*, имевшей место в большинстве государств Восточной Европы после крушения коммунистических режимов, в том числе в России, только этническое большинство объявляется *«государствообразующей»* (в нашей стране – *«империеобразующей»*) национальностью и, соответственно, оказывается *«законным владельцем государства»*. Утверждается, что прежним политическим режимом ему был нанесен экономический, культурный, демографический ущерб. Это оправдывает *«компенсирующие»* меры государства по продвижению интересов титульного большинства. В связи с этим органичными выглядят усилия по сохранению и развитию русского языка, поддержке православия, других проявлений русской этнонациональной культуры. Русский *«национализирующий национализм»* получил развитие и массовую поддержку несколько позже, чем национализм российских национальных меньшинств – в конце 1990-х – начале 2000 гг. – и стал отчасти реакцией на их экономические, политические и культурные притязания. *«Национализирующий национализм»* сопровождается распространением практик исключения и маргинализации значительных слоев населения (этнических меньшинств, иноверцев, иностранцев, иммигрантов и др.) – одним

словом, «чужих». Примечательно, что общественно-политические силы, являющиеся носителями идеологии русского национализма и даже шовинизма в нашей стране, резко осуждают реализацию политики национализирующего типа в независимых государствах, сложившихся после распада СССР (напр., в Украине, Латвии, Эстонии, Грузии и др.).

В этом случае на первый план выдвигается политическая программа, получившая у Р.Брубейкера название *национализма «внешней исторической родины»*. Он «утверждает право и даже обязанность государства наблюдать за условиями, в которых находятся «его» этнонациональные «соотечественники», отстаивать их благополучие, поддерживать их деятельность и организации, защищать их интересы в других государствах» (Брубейкер, 2000: с. 157). В России такая программа имеет целью отстаивать права и благополучие этнических русских и более широко – русскоязычных «соотечественников», проживающих за границами Российской Федерации, особенно если они оказываются под угрозой «национализирующего национализма» титульной национальности. Названные два типа национализма находятся в прямой оппозиции, фактически бросают вызов друг другу. Это, однако, не мешает ряду «патриотических» общественно-политических сил в России поддерживать одновременно требования обеих политических линий, что в немалой степени препятствует формированию новой гражданской идентичности «россияне» и сопровождается разжиганием шовинизма и ксенофобии. Можно отметить, что отечественные требования в духе «национализма внешней исторической родины» есть не что иное, как признание культурного многообразия и прав меньшинств в международном измерении. Однако пока это не означает готовности следовать программе мультикультурализма во внутринациональном масштабе, т.е. симметричного принятия требований *«национализма национальных меньшинств»* (татар, башкир, чеченцев, народов Дагестана и др.).

Недоверие к «чужим» внутри страны усиливается неприятием всего «чужого» извне в контексте *«защитного, протекционистского, национально-*

популистского национализма», который стремится защитить национальную экономику, язык, обычаи и культурное наследие от разнообразных носителей внешней угрозы (Брубейкер, 2000: с. 157): транснациональных и международных организаций, культурной колонизации и вестернизации, массовой иммиграции и т.п.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Нация как новая форма политического сообщества, основные характеристики.
2. Концепция гражданства.
3. Нация и национальное государство в модернистских теориях Э.Геллнера, Б.Андерсона.

Тема 2. Современные теории национализма: за и против национального государства в эпоху глобализации

Аннотация. Раскрывается содержание противоречивых тенденций размывания национального государства в контексте глобализации и продолжающегося процесса нациестроительства и сохранения легитимности наций-государств в начале XXI столетия.

Ключевые слова: национализм, национальное государство, глобализация, локализация, регионализация, транснационализм.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Следует начать с основной

литературы по курсу, затем перейти к списку дополнительной литературы.

Важной составляющей освоения материала является овладение навыками по подготовке устных презентаций и письменных аналитических записок (отчетов) на основе изучения материалов подготовки к коллоквиумам и выбора кейсов (в том числе видеокейсов) для фокусированного рассмотрения.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие.- М.: КДУ, 2005. С. 262-312.
2. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. С. 34-48.
3. Глобализация и проблемы сохранения культурного многообразия / Ю.В.Хен.- М.: Ин-т философии РАН, 2010.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру.- М.: Логос, 2003. С. 176-222.
5. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. Разд. VII Мультикультурализм.
6. Пришел ли конец национальному государству? URL: <http://all-politologija.ru/knigi>

Вопрос о будущем национального государства становится все более актуальным, поскольку в 1990-е годы произошла явная эрозия национального государства, главным проявлением чего является постепенное распространение политической власти «вверх» и «вниз». Первая тенденция означала возникновение региональных структур, союза сверхдержав или даже наднационального государства. Решающим оказался процесс глобализации. Процесс глобализации относится как к приданию мирового измерения различным формам активности — политической, экономической,

общественной и даже культурной, как и к повышению уровня контактов и связей между государствами и обществами, которые образуют международное сообщество.

Вторая тенденция усматривается в растущей роли регионов на пространстве национального государства, а также и в нарастании значения расовых и этнических факторов внутри данного народа. Как отмечает Аренд Лийпхарт новая волна демократизации, поддержанная лозунгами политической активности, усиливает в мире Запада чувство этнической принадлежности и этнические требования, тем более, что традиционные конфликты и социоэкономические разделения теряют свое значение.

В случае Соединенных Штатов или Канады этот процесс преобразования политической общности — описываемый как мультикультурное явление — виден наиболее четко. В настоящее время речь идет уже не об «этническом пробуждении Америки» в том смысле, какой ему придал Майкл Новак, но о нарастании этнического самосознания у неевропейских народностей: массы иммигрантов из региона Тихого Океана, азиатов и мексиканцев. Подобная проблема проявляется в богатых странах Европы, известная как экономическая иммиграция с традиционно бедного Юга. Во Франции это касается мусульманского населения из стран Магриба (Марокко, Тунис, Алжир), в Англии — жителей прежних африканских и азиатских колоний, в Германии — турков и жителей бывшей Югославии, в Италии — албанцев и выходцев из Эфиопии.

Происходит явное «распыление» политической власти. Первоначально ее хранителем было государство, а политическая деятельность была ориентирована на овладение властью или удержание власти. Тем временем, прагматический синтез капитализма и социализма в форме демократического планирования привел к формированию политической партиципации. Власть «перетекла вниз», к основным добровольным группам интереса, которые

принимают политические решения через разработанную систему комиссий и коллективов советников. Демократические процессы привели к тому, что произошел переход от представительской демократии к «делиберирующей демократии» (определение французского социолога Мишеля Крозье).

С другой стороны, способность государства контролировать события уменьшилась, поскольку оно стала частью мировой политической системы, международных рынков и мирового сообщества, спаянных информацией. Важнейшие решения начинают выноситься «вне» территории одного государства. Основные решения, касающиеся военной безопасности, находятся в зависимости от внешних факторов, определяющих международную безопасность, так же как и от решений в рамках военных пактов. Экономическая ситуация зависит от внешних рынков, что Польша испытала в виде «российского кризиса». Важные решения для национальной экономики принимает, так называемая, Семерка (группа самых богатых государств мира) или Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), образованная в 1960 г. в Париже. Большинство проблем окружающей среды можно решить в масштабе, как минимум, региональном.

Все большее влияние на политическую ситуацию оказывают громадные международные концерны, экономическая мощь которых начинает становиться сравнимой с экономикой государства (в этом рейтинге «Дженерал моторе» опережает, например, Польшу). Большинство важных для населения данного государства событий имеет внешнее происхождение, что подвергает сомнению принцип суверенитета. События «МакМира» «преподносят, как в закусочной Макдональдса» институты общественной жизни: право и обычаи, университеты и культуры. Появляются глобальные политические движения такие, как мусульманский фундаментализм. Призыв папы Иоанна Павла II к «новой евангелизации» означал, среди прочего, падение реального социализма в Польше.

Растет значение международных и транснациональных организаций. Лучшим примером силы международных организаций представляет спорт, который стал частью мощного «инфортазвлекательного телесектора» (определение Бенджамина Барбера), поскольку общества Запада имеют все больше свободного времени. Становясь «обществами досуга» (leisure society), они отводят все больше времени на развлечения: туризм, спорт. Сила таких организаций, как ФИФА или МОК означает вторжение в компетенцию институтов страны.

Если мы добавим к этому образу надгосударственные политические организации, то перед нами предстает проблема ограничения суверенитета национального государства под влиянием глобализации политики. Как пишет Ивен Люард, два течения изменяют основу политической деятельности в современном мире. С одной стороны, власть отдельных государств систематически ограничивается. С другой стороны, граждане все более осознают существование мира вне границ национального государства, рассматривая проблемы в их международном измерении («Глобализация политики. Изменение фокуса политического действия в современном мире»). Французский философ Поль Вирилио утверждал, намекая на известное положение Френсиса Фукуямы, что раз некрологи, касающиеся смерти истории являются преждевременными, столь же очевидно, что мы являемся свидетелями конца географии — расстояния уже не имеют значения. Это касается информации, оружия, развлечений или культуры.

Более того, можно повторить за испанским социологом Мануэлем Кастелльсом, что власть все больше отдаляется от политики. В настоящее время власть глобальна и экстерриториальна, политика же — локальна и территориальна. Решения принимаются вне территории данного государства. Видны, по меньшей мере, зачатки гражданских позиций в глобальном масштабе в виде таких движений как «Врачи без границ» или «Гринпис». Поэтому говорить об ограниченном суверенитете или «интегральном суве-

ренитете» становится все более проблематичным. Через головы политических партий, благодаря объединениям, неправительственным организациям, локальным инициативам происходит возникновение глобального гражданского общества. Эдгар Морин прямо говорит о возникновении планетарного патриотизма. Следует задать вопрос, можно ли действовать локально в условиях мирового сообщества, то есть соединить локальность (культуру, общественные и политические институты) с глобализацией. Вопрос о «глобализации» (определение Стивена Льюкса), апеллируя к тенденции соединения локальных интересов с глобальным мышлением, определяет диапазон проблем, перед которыми стоит национальное государство. Является ли оно и дальше субъектом «внутренней политики» и «внешней политики»? И если да, то до какой степени?

Описанное состояние вхождения национального государства в международные контексты передает схема, начерченная Энтони Х. Ричмондом (Anthony H. Richmond) в статье 1984 г. под названием «Этнический национализм и постиндустриализм». Понятие постиндустриализма (примененное Даниелем Беллом) описывает ряд технологических, общественных и экономических изменений, через которые проходят промышленно развитые общества. Происходит переход от производства продукции к созданию информации. Управление данными и информацией становится необходимой услугой. Отсюда возрастает роль теоретического знания, а, следовательно, университетов. Удовлетворение базовых биологических потребностей перестает быть общественной проблемой во многих частях мира.

Постиндустриальная эра наступила в результате интенсивного развития новых технологий, наиболее убедительным примерами чего являются компьютеризация и автоматизация, с одной стороны, коммуникационные системы, с другой стороны, банки, страховые общества, биржи и транснациональные фирмы связаны в сеть, позволяющую производить

постоянный обмен информацией и быстрое перетекание капитала и денег из одной страны в другую. Под влиянием телевидения и электронного преобразования информации изменился и сам процесс обучения и образования. Все более значимы общественные и коммуникационные сети связей, основанные на межперсональных, межорганизационных, международных и массовых коммуникационных сетях; они должны стать в будущем решающей формой общественных взаимодействий.

В постиндустриальный период интересы национальных властных элит уже не связаны непосредственно с экономическими структурами. Вместо этого выделяются наднациональные властные элиты, связанные с предприятиями с многонациональным капиталом. Одновременно в рамках национального государства все более отчетливо выражаются региональные и этнические интересы. Первые могут привести к большей независимости (автономии) или даже сепарации. Так происходит, например, в случае Шотландии или западной Канады, поскольку была приведена в движение «логика» сепарации. В свою очередь, поддержание этнической идентичности становится менее зависимым от места (территории), так же, как и от формальной принадлежности. В результате четкого выражения интересов этнических меньшинств дело может дойти до введения принципа употребления двух официальных языков и даже — как это было в случае законодательства Квебека — до навязывания французского языка.

Рассуждения на тему конца национального государства, на самом деле, преждевременны, однако — как напоминает Филипп Шмиттер — максимальное его ослабление происходит там, где они возникли, то есть, в Западной Европе. Современное понимание суверенных государств либеральной демократии предполагает существование «национальной общности судьбы» — политического бытия, которое, наделенное полномочиями, правит собой и определяет свое будущее. Сначала идея согласия или дозволения (через общественный договор или избирательную урну) стала правилом легитимного

правления в либеральной демократии. Она предполагает существование «принципа большинства». Однако не имеет ли этот принцип своих международных обусловленностей? Необходимо ли согласие для того, чтобы принять решение о строительстве международного порта вблизи столицы, невзирая на протесты локальных общин? Принимают ли решения локальные общности, или оно имеет измерение региональное, национальное или прямо международное? Перед кем должны отвечать те, кто принимает решение? Региональные или глобальные взаимные связи подвергают сомнению традиционные взгляды и демократическую практику. Процесс принятия политических решений выходит за пределы национального государства.

Если обдумать проблему национального государства, то следует ответить, насколько и был ли вообще ограничен суверенитет национального государства. Дэвид Хелд который занимается этой проблемой, пишет что происходит серия дисфункций между формальными полномочиями государства и процессом образования связей и контактов на глобальном уровне. Вот каковы четыре типа ограничения суверенитета национального государства: мировая экономика, международные институты, международное право, военные блоки. Это означает не что иное, как процесс «интернационализации» активности, до тех пор внутренней, а также интенсификацию принятия решений в рамках международной системы. Английский политолог Хедли Булл наиболее существенными чертами международной системы признал «систему накладывающихся друг на друга полномочий и разнообразие форм лояльности» (Х. Булл «Анархическое общество »).

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Современные вызовы суверенитету национального государства.
2. Дискуссии о «конце национального государства» в условиях укрепления наднациональных и транснациональных связей.

3. Концепция глобализации и ее экономические, политические, культурные эффекты в странах мира (взять для написания аналитической записки пример конкретной страны).

Тема 3. Большинство, меньшинства и националистические движения в XX – начале XXI вв.

Аннотация. Дана характеристика взаимоотношений государства, этнокультурного большинства с этнонациональными меньшинствами; вариантов этнической политики в современном обществе; раскрываются понятия «меньшинство», «этническое меньшинство», «национальное меньшинство», характеризующие проблему социального исключения и актуализации националистических движений в современном мире.

Ключевые слова: меньшинство, этническое меньшинство, национальное меньшинство, этническая политика, коренные малочисленные народы, безгосударственные нации, сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку дополнительной литературы.

Важной составляющей освоения материала является овладение навыками по подготовке устных презентаций и письменных аналитических записок (отчетов) на основе изучения материалов подготовки к коллоквиумам и выбора кейсов (в том числе видеокейсов) для фокусированного рассмотрения.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Масионис Дж. Социология. СПб., 2004. С. 122-124.
2. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа: Учебное пособие. М., 1995. С. 7-16.
3. Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 13-23.
4. Садохин А.П. Этнология: Учеб.пособие. М., 2004. С. 276-326.
5. Кимлика У. Федерализм и сецессия: Восток и Запад // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 3 / 4. С. 245-316.
6. Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. 2011.- № 4.

Большинство существующих стран мира являются многокультурными и полиэтническими, однако отношение к культурному многообразию заметно варьирует, как оказывается разной политика в отношении национальных и этнических меньшинств, коренных народов и иммигрантских групп. Нередко государство или политические элиты видят в культурном многообразии «проблему», которая, по их мнению, является источником ряда сложностей: трудностей выбора политических стратегий, урегулирования напряженности и конфликтов, обеспечения социальной интеграции общества.

В условиях демократизации общества предметом особой заботы стали права меньшинств и их защита от дискриминации и социальной депривации (т.е. лишения доступа к социальным ресурсам). Существуют самые разные социальные меньшинства: религиозные, политические, сексуальные, этнические, расовые, группы людей с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями и другие. Обычно в социологии *меньшинством* называют любую категорию людей, которая характеризуется

физическими и культурными особенностями и которую общество выделяет как низшую (Масионис, 2004). Это означает, что количественные параметры меньшинств не являются исчерпывающим признаком, например, женщины даже в обществе, где они составляют статистическое большинство, могут рассматриваться как гендерная группа и дискриминируемое меньшинство. Вместе с тем, количественные пропорции имеют важное значение, а понятие меньшинства является реляционной (соотносительной) категорией и выделяется по отношению к доминирующему (в том числе и в статистическом отношении) большинству.

По мнению социологов, этническое меньшинство – это отличительная этнокультурная группа, находящаяся в состоянии социальной депривации и оцениваемая как «другая» (или «низшая»). Именно черты депривированности (экономическое и политическое исключение, ограничение в коллективных правах, недобровольная ассимиляция, негативная стереотипизация и «стигматизация» и их следствия) являются основанием введения системы протекционистских мер, поддерживающих меньшинства. Так, в России в соответствии с подписанными международными нормативными документами признана необходимость защиты коренных малочисленных народов, не превышающих по численности 50 тыс. человек, самобытная культура и уклад жизни которых серьезно подорваны модернизационными процессами, развернувшимися на исконных территориях их проживания и традиционных занятий: оленеводства, охоты и промысла, рыболовства и т.п.

С точки зрения известного канадского исследователя У.Кимлики, этнические меньшинства – это группы, уступающие по численности большинству населения, не доминирующие политически и воспроизводящиеся как этническая группа (Кимлика, 2000: с. 249). «Этнические меньшинства» и «национальные меньшинства» – это не одно и то же. Второе понятие отражает связь между этничностью и нацией-государством, т.е. характеризует место отличительного с точки зрения культуры меньшинства в политическом сообществе нации и процессах нациестроительства. У.Кимлика называет

национальными меньшинствами группы, которые сформировали завершённые и функционирующие общества на своей исторической родине до того, как были инкорпорированы в большое государство. Он различает два основных вида национальных меньшинств: а) «безгосударственные нации» – это группы, в настоящее время не имеющие государства, которое они могли бы назвать своим, в котором они могли бы составлять большинство; однако, они стремятся иметь что-то вроде своего государства (примеры: каталонцы, баски, шотландцы, валлийцы, корсиканцы, пуэрториканцы, квебекцы и др.); б) «коренные народы» – это группы, традиционные земли которых были захвачены поселенцами и присоединены к государствам, управляемым «иностранцами»; группы, стремящиеся сохранить традиционный уклад жизни и верований, участвуя в жизни современного общества на собственных условиях (примеры: эскимосы, маори, американские индейцы). Канадский учёный отмечает, что не существует четкой границы между безгосударственными нациями и коренными народами. Одно из заметных различий состоит в том, что безгосударственные нации исторически претендовали на создание своего государства в Европе, но проиграли; а коренные народы сохраняли архаичный (домодерный) уклад на протяжении XX века.

Как свидетельствует исторический опыт, государство использует ряд стратегий в отношении меньшинств – вариантов этнической политики: 1) геноцид – систематическое физическое преследование и истребление представителей одной группы другой по расовым, этническим или религиозным мотивам; 2) сегрегация, или доминирование, – политика принудительного физического и социального разделения, иерархизации этнических и расовых групп; 3) ассимиляция, в результате которой меньшинства постепенно усваивают культурные образцы доминирующей культуры, отказываясь от своего культурного наследия; 4) мультикультурализм (культурный плюрализм) – идеология и политика, утверждающая правомерность и ценность культурного плюрализма, поддерживающая равноправие этнических культур.

Сегодня геноцид и сегрегация в цивилизованных странах находятся вне закона. Стратегия ассимиляции – типичный вариант политики в отношении меньшинств эпохи становления национальных государств и нациестроительства в Западной Европе и Северной Америке – получает в современных условиях неоднозначную оценку. С одной стороны, к очевидным преимуществам ассимиляции можно отнести выравнивание гражданских прав этнокультурного меньшинства и большинства, что неизбежно улучшает социальное положение меньшинств. С другой стороны, недостатком ассимиляции сегодня можно считать потерю меньшинствами самоуважения в силу того, что культурная традиция их предков, обычаи и ценности считаются второсортными или малозначимыми. Этнолог А.П.Садохин отмечает: ассимиляция – «это этнический процесс взаимодействия двух этносов, в результате которого один из них поглощается другим и утрачивает этническую идентичность» (Садохин, 2004).

Примечательно, что ассимиляция может быть естественной и насильственной. Естественная (добровольная) ассимиляция имеет место в случае выравнивания прав и жизненных возможностей представителей разных этнических групп в рамках неиерархической (неранжированной) полиэтнической системы. Насильственная ассимиляция реализуется в условиях социального исключения или маргинализации отличительной культуры этнического меньшинства в рамках иерархической (ранжированной) полиэтнической системы; включение в сообщество равноправных граждан осуществляется на условиях принудительного отказа от «своей культуры». Кроме того, различают полную и частичную формы ассимиляции. Полная ассимиляция означает решительный отказ от своей этнической идентичности и усвоение норм и ценностей доминирующего общества. Частичная ассимиляция предполагает, что своя культура «жертвуется» лишь частично, а именно - ее публичная составляющая; в свою очередь дома и в частной жизни соблюдаются нормы и обычаи своей этнической группы (Ионин, 1995). Если в XIX и начале XX вв. ассимиляция не вызывала серьезных возражений, то в условиях XXI в.,

полагает французский социолог М.Вевьерка, ассимиляция может рассматриваться как разновидность нового расизма: «сообщить группе, что ее идентичность должна исчезнуть и раствориться, равносильна ее дискредитированию, отрицанию и презрению, рассмотрению ее как опасности» (Вевьерка, 2005).

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Социологическая концепция меньшинства.
2. Виды этнокультурных меньшинств.
3. Стратегии государства в отношении меньшинств.
4. Ассимиляция как этническая политика: «за» и «против».
5. Националистические движения в странах мира: источники, социальная база, виды. (Взять пример конкретной страны)

Тема 4. Мультикультурализм в повестке дня последней трети XX столетия

Аннотация. В данной лекции раскрывается содержание дискуссий о мультикультурализме в странах Запада и России, позитивные и негативные аспекты легитимации культурного многообразия, причины маргинализации дискурса мультикультурализма в России.

Ключевые слова: мультикультурализм, культурный плюрализм, интеграция, ассимиляция, советский мультикультурализм

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Важной составляющей освоения материала является подготовка к семинарскому занятию с использованием

основной и обязательной литературы (См. план семинарского занятия по теме), интернет-источников. При этом следует прибегнуть к конспектированию и реферированию изучаемых источников с позиций их критического анализа. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку литературы, рекомендованной к семинарскому занятию.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Малахов В. Вызов национальному государству // Pro et Contra. 1998. Т.3, № 2. С. 141-154.
2. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000. Гл. 1.
3. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives, London, 1993. P.121-146.
4. Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Политические исследования. 1999. № 6.
5. Низамова Л.Р. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Матер. конф. / Под ред. А.Малашенко; Моск. Центр Карнеги.- М.: Гендальф, 2005. С. 9-30.
6. Низамова Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма // Социологические исследования. 2009. №10. С. 80-89.

В 1997 году в США в издательстве Гарвардского университета вышла книга известного социального ученого Натана Глейзера под красноречивым названием «Мы все теперь мультикультуралисты». Вынесенное в заголовок утверждение, по мнению автора, могло стоять в одном ряду с констатацией сэра Вильяма Хакорта, который сказал в конце XIX в.: «Теперь мы все

социалисты», и заявлением президента Ричарда Никсона, признавшим в 1971 г.: «Теперь мы все кейнсианцы». Уверенное название книги Глейзера, а также ее содержание было констатацией того, что мультикультурализм утвердился как парадигма в социально-гуманитарном знании и существенная составляющая практик США, а также Канады, Австралии. Это утверждение можно распространить и на многие страны Западной Европы.

Мультикультурализм (культурный плюрализм) как политика был реализован в 1970-х гг. в таких иммигрантских странах, как Канада и Австралия. В середине 1990-х гг. она получила признание в США (прежде всего в виде мультикультурного образования); в последней трети XX века мультикультуралистские ценности и практики получили развитие во многих странах Старого Света. Мультикультурализм – не есть факт признания культурного (этнического, расового, религиозного и т.д.) разнообразия общества, это особый тип идеологии и политики в поликультурной среде. Он был узаконен в последней трети XX века, когда было признано, что усилия государства по ассимиляции – непродуктивны. С 1970-х гг. идеалом провозглашается *интеграция без ассимиляции* (Малахов, 1998).

Мультикультурализм – это «особая форма интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтнические, поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни» (Куропятник, 2000). К несомненным достоинствам мультикультурализма можно отнести: 1) сохранение и развитие существующего де-факто культурного плюрализма; 2) признание и защиту многообразных меньшинств, нередко исторически депривированных и находящихся на периферии социальной жизни; 3) отказ от шовинизма, ксенофобии, этнических и религиозных предрассудков; воспитание уважения, терпимости и добрых взаимоотношений между группами и секторами общества; 4) ориентацию прежде всего на «включение» и интеграцию, а не отделение или обособление; 5) плодотворные эффекты мультикультурного

образования, которое представляет культуры меньшинств наряду с доминирующей культурой в учебниках, учебных пособиях, планах и программах; 6) легитимацию целого ряда коллективных прав, которые прежде выводились за рамки либерального дискурса: интересы признания идентичности, языка и культурного членства.

Вместе с тем, мультикультурализм имеет и свои недостатки, которые озвучиваются противниками политики культурного плюрализма. Наиболее серьезными обвинениями являются: 1) создание «угрозы» национальной гармонии и единству; 2) преувеличенная этнизация социальных отношений и увековечивание культурных различий и границ через их институционализацию; 3) оспаривание либерального принципа приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов; 4) неспособность наряду с этническим плюрализмом признать и культурную гибридность и формирование космополитических или смешанных идентичностей. Социальные теоретики пишут о «*парадоксе мультикультурализма*»: это огорчающая и нежелательная ситуация, при которой культурный плюрализм настолько энергично приветствуется, что граждане не только обладают правом иметь свою культуру, но могут даже вопреки своему желанию подталкиваться и принуждаться к этому. Их заставляют присвоить себе этническое имя как обязательное или относятся к ним с учетом этого невидимого ярлыка (Eriksen, 1993: p. 143). Другой неоднозначный эффект мультикультуралистской политики состоит в том, что, мультикультурализм все-таки довольно легко эволюционирует к модели параллельного безучастного сосуществования социальных групп, таящего свои опасности. Гораздо более предпочтительным, хотя и более трудным для реализации, является «интегративное многообразие» (терминология немецкого исследователя К.Цюрхера, 1999). В отличие от «конкурентного» и «параллельного» плюрализма, «интегративный» его вариант предполагает сохранение и поддержание общих институтов и постоянного культурного обмена, формирование размытых пограничных зон между

культурами. В целом можно заметить, что при всей полемичности темы мультикультурализма во многих индустриально развитых странах Запада сегодня на повестке дня стоит вопрос не столько о применимости мультикультурализма, сколько о его конкретной форме, модели, варианте.

Есть ряд причин, которые отодвигают мультикультуралистскую перспективу на периферию российского социального дискурса:

Главная, на наш взгляд, состоит в том, что на рубеже XX и XXI вв. в России продолжается формирование российского национального государства. Реализация этого проекта в странах Западной Европы была в основном завершена еще в XVIII и XIX вв., но постсоветская Россия после распада СССР получила новый импульс к продвижению исторически прерванного и незавершенного «русского» или «российского» национального проекта. При видимом наличии возможности двоякого развития, на деле потенциал узко и исключительно русского варианта нации-государства весьма ограничен. Более реалистичной и жизнеспособной в современных условиях может оказаться «российско-русская» модель, интегрирующая и мобилизующая как русскую этническую, так и общегражданскую российскую идентичности. При этом, исторически более справедливой и оптимальной с экономической и политической точки зрения могла бы стать мультикультуралистская модель общероссийского национального государства. Причем здесь очень важно оговорить, что и нашей стране не удастся избежать эффектов глобализационного и интернационализирующего влияния, ставящих под сомнение сами основания наций-государств образца XVIII – XIX вв.

Из ставших классическими теорий национализма Э.Геллнера, Б.Андерсона, Э.Хобсбаума известно, что рост национализма является «отражением и следствием индустриализма». Под «давлением космополитизма рынка», в результате формирования общей космополитической культуры индустриализма этнические и «культурные различия стираются в «плавильном котле» индустриализма – «огромного, анонимного», мобильного общества всеобщего

взаимодействия. Утверждается общий и единый национальный язык – язык стандартизированного, формализованного обучения и «высокой культуры». Б.Андерсон отмечал, что через язык и благодаря языку (и соответственно благодаря печатному слову, являющемуся результатом «печатного капитализма», т.е. капиталистической эксплуатации техники книгопечатания) жители определенной территории осознают себя как нацию. Кстати, эта закономерность хорошо иллюстрируется в современной России текущим акцентом на необходимости сохранения и развития русского языка, и без того доминирующего. В подобном социальном контексте культуры и языки (диалекты, наречия) этнических меньшинств отодвигаются на периферию формирующихся национальных государств и подвергаются активной ассимиляции. Следует отметить, что ассимиляция в условиях индустриализма имеет не только негативную, но и выраженную позитивную сторону: представители меньшинств получают гражданские права, равные с теми, что имеют представители титульного большинства, давшего свои имя и язык данной нации-государству. Этнические меньшинства получают возможность за счет ассимиляции стать полноправной частью нации, хоть и ценой утери или маргинализации своей культуры, традиций, обычаев.

Ханс Кон, авторитетный теоретик национализма, отмечал в своей книге «Идея национализма» (1944), что «рост национализма – это процесс интеграции народных масс в общую политическую форму. Поэтому национализм предполагает существование [...] централизованной формы правительства, обладающего юрисдикцией над обширной и отдельной территорией». Это и происходит в последние годы в современной России как реакция на распад СССР, усиление центробежных тенденций в период ельцинского правления, проблему Чечни и пошатнувшийся “державный” статус в международном сообществе.

Однако российский национальный проект должен быть завершен в XXI столетии, в условиях, заметно отличающихся от условий формирования

западных наций-государств, - в контексте усиливающейся глобализации, которая вызывает заметное оживление требований меньшинств, «старых» этнических и региональных идентичностей (примеры Квебека в Канаде, Уэльса и Шотландии в Соединенном Королевстве, испанских меньшинств). В XXI веке формирование новых наций-государств происходит на фоне легитимации коллективных прав народов, национальностей и меньшинств на международном уровне. Это тоже актуализирует тему мультикультурализма в российском обществе.

2. Потенциал мультикультурализма в России недостаточно раскрыт, мало известен. Тем не менее, понятие «мультикультурализм» ассоциируется с категорически отрицаемым западным «изобретением», которое часто называют «политкорректностью». В этом явно сказывается неразвитость либерального дискурса равенства, свободы и справедливости в современной России, свывкшейся с существованием того или иного варианта асимметрии власти. Зачастую реформы инициируются элитами, стремящимися добиться выгодного для себя и возможного в данное время неравенства, маскируемого привлекательными популистскими лозунгами.

Кроме того, мультикультурализм пристрастно ассоциируется со «страшилками» о варварских обычаях меньшинств (например, часто упоминают женское обрезание), которые противоречат либеральным ценностям развитых индустриальных стран. Мультикультурализму, скорее всего, не прибавляет сторонников защита прав женщин и сексуальных меньшинств; его обычно сводят к рекламе и продвижению феминизма (women studies) и исследований сексуальных меньшинств (gay and lesbian studies). Российское массовое сознание по-прежнему не так терпимо и великодушно, как на Западе; его позиция выражается решительным отрицанием: «Нам этого не надо!». Подобная односторонняя предвзятость и огульность являются основанием для игнорирования мультикультурализма в целом.

3. Считается, что мультикультурализм уже существовал в советскую эпоху,

когда впервые в истории многие народы получили свои национально-государственные образования (союзные и автономные республики, автономные края и округа), хотя и тогда не всем народам удалось реализовать свой вариант национально-государственного самоопределения. Реализованность мультикультурализма в СССР ошибочно усматривается в советской практике институционализации этничности: будь то в паспортах и анкетах, будь то в виде существовавших республик, краев, областей.

Однако мультикультурализм нельзя односторонне и пристрастно приравнивать к «увековечиванию» и институционализации этничности, т.е. возможному негативному его проявлению. Мультикультурализм основывается прежде всего на принципах свободы от этнических предрассудков и стереотипов, воспитания уважения и терпимости между различными этническими группами и меньшинствами, отказа от ксенофобии и шовинизма, поиска способа интеграции и включения в общество, а не исключения из него. При этом он не является панацеей от всех бед, абсолютно безупречной идеологией и политикой. Недостатки мультикультурализма на сегодняшний день уже обозначены, в частности они выражены в понятии «парадокс мультикультурализма». Это ситуация, при которой культурный плюрализм настолько приветствуется, что граждане не только обладают правом «иметь свою культуру», но даже вопреки своему желанию принуждаются к этому. Их заставляют присвоить себе этническое имя или относиться к ним с учетом этого невидимого «ярлыка». Известные ограничения, тем не менее, не отменяют уместности, актуальности и значимости мультикультуралистской идеологии и политики в России сегодня.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Мультикультурализм как идеология и политика: истоки, содержание, особенности.
2. Коммунитаристская трактовка мультикультурализма, ее критика.

3. Либеральное обоснование мультикультурализма как «политики признания» и различия.
4. Специфика национальных моделей мультикультурализма (взять пример конкретной страны).

Тема 5. Мультикультурализм и гендерное неравенство

Аннотация. Раскрывается содержание современных дискуссий о мультикультурализме в связи с проблемами пола и феминистскими идеалами. Приведены тематические области и практики, которые оцениваются с точки зрения конфликта культур приезжих иммигрантов и принимающего общества, обозначены проблемные эффекты мультикультурализма.

Ключевые слова: мультикультурализм, феминизм, гендерное неравенство, пол, репродукция, конфликт культур, иммигранты

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку дополнительной литературы.

Важной составляющей освоения материала является овладение навыками по подготовке устных презентаций и письменных аналитических записок (отчетов) на основе изучения материалов подготовки к коллоквиумам и выбора кейсов (в том числе видеокейсов) для фокусированного рассмотрения.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру.- М.: Логос, 2003. С. 98-124.

2. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. Разд. VII Мультикультурализм, Разд. VIII Феминизм.
3. Филиппова Е. Французы, мусульмане: в чем проблема? // Этнографическое обозрение.- 2005.- № 3.
4. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / под ред. Р.Г.Минзарипова, С.А.Ахметовой, Л.Р.Низамовой. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 75-89, 138-165.

Одним из источников критики мультикультурализма сегодня является феминизм. С.М.Окин выдвинула провокационный вопрос: «Вреден ли мультикультурализм для женщин?» Сосуществование разных культур привлекает внимание к 12 практикам, которые вызывают разноречивые оценки: женский вариант обрезания, полигамия, исламские и европейские способы забивания животных, браки по договоренности, браки в пределах запрещенных степеней родства; нанесение шрамов на щеки и разные части тела у детей; исламский запрет на участие девочек в практиках совместного обучения (занятия спортом, плавание); исламское указание, чтобы девочки носили хиджаб (головной платок); сикхские указания по поводу ношения или снятия традиционных тюрбанов; отказ цыган и аманитов отдавать детей в государственные школы (либо совсем, либо после определенного возраста; иудаистские требования разрешить кремирование своих умерших; а также подчиненное положение женщин вообще и все, что с этим связано. В данном списке 7 из 12 практик касаются положения женщин в различных культурных сообществах.

С.Бенхабиб задается вопросом: Почему среди причин межкультурных столкновений превалируют культурные практики, касающиеся статуса женщин, замужества, вопросов пола? Сфера сексуальной жизни и репродукции находится в центре внимания большинства культур, т.к. обозначает линию раздела между природой и культурой. Женщины и женское тело – это

культурно-символическая «доска», на которой человеческие сообщества записывают свой моральный кодекс. Со времени появления книги С. де Бовуар «Второй пол» (1949) феминистская теория критически разобрала, почему функция женщин как посредников между природой и культурой делает их одновременно объектом желания и страха, стремления и отталкивания. Конфликты между культурами по вопросам рождения и воспитания детей не могут не вызывать сильнейшей эмоциональной реакции.

В условиях современных либеральных демократий взаимосвязи между идентификацией, обычаями частной сферы и культурной самобытностью меняют свою конфигурацию. Базовой для либерализма является убежденность в том, что частная сфера охватывает и самые глубокие верования, относящиеся к религии, эстетике и стилю жизни. Частный характер семейно-домашней сферы не просто уважаем, но реализуется требование, чтобы государство воздерживалось от регулирования вопросов, связанных с религиозными и культурными убеждениями. При этом линия разграничения частного и публичного остается спорной. С позиций либерального государства, семья – это публичный институт, в котором обычаи, регулирующие браки и разводы, определяются политическими и правовыми нормами.

В поле зрения попадает ряд судебных дел с участием иммигрантов в качестве обвиняемых; принятые судебные решения в качестве оправдания учитывали культурные особенности обвиняемых («Меня заставила сделать это моя культура»), однако в законах государства показания, касающиеся культуры, не считаются основой для оправдания. Цель защиты в уголовных делах – добиться справедливости по отношению к обвиняемому, поставив его действия в контекст соответствующей культуры. Но проявляя справедливость по отношению к обвиняемому, несправедливости подвергают жертв, относящихся к той же самой культуре. Детям всегда, а женщинам в большинстве случаев отказывают в полновесной защите со стороны американских законов, потому что их правовое положение определяется прежде и больше всего в свете их членства в общинах, из которых они

происходят. Это свидетельство растущего влияния доводов культурной защиты в американских судах.

Дело Шах Бано в Индии. На основании раздела 125 уголовно-процессуального кодекса разведенная мусульманка Шах Бано Бегум после более чем 40-летнего супружества подала заявление на получение содержания от своего бывшего супруга-адвоката, которое было удовлетворено, однако критике была подвергнута несправедливость в отношении женщин всех вероисповеданий. Политические дебаты, давление и контрдавление привели к принятию в 1986 году законопроекта о мусульманских женщинах (о защите их прав и разводе). В поле зрения оказались фундаментальные вопросы правового плюрализма (сосуществование норм шариата и общегражданского кодекса), религиозного сосуществования и терпимости. Мусульманское сообщество было вынуждено переоценить особенности и способы существования ввиду растущих требований о признании равенства женщин и меняющихся стилей жизни и хозяйствования. Появилось движение в поддержку законопроекта о мусульманских женщинах. Закон 1986 года оговаривал, что разведенную женщину должны материально поддерживать родственники, такие как братья и сыновья, относящиеся к категории наследников, а если они не способны, то поддержка возлагалась на общину, которая оказывала бы ее через комитеты вакф (организации обязательной благотворительности). Целью даже этого, по идее реформистского, закона было закрепить зависимость женщины от иерархической структуры, в которой доминируют мужчины, будь то кровная семья или совет общины. Возможность обеспечить разведенной женщине независимость, интегрировав ее в гражданское общество и дав ей какую-то финансовую автономию, полностью блокировалась. Под давлением со стороны мусульманской общины Шах Бано в конце концов забрала свое заявление из суда и согласилась на прежние более скромные условия материальной поддержки. С.Бенхабиб заключает: «Мультикультурное трюкачество и в этом случае привело к поражению женщин». Вывод: к институтам юридического плюрализма, лишаящим женщин экономических, образовательных,

гражданских возможностей ради поддержания границ сообщества, нужно относиться со скептицизмом, особенно в условиях возросшей глобальной мобильности и интеграции, когда женские проблемы обсуждаются во всем мире разнообразными движениями, правительственными и неправительственными организациями. Существование законов в сфере личных отношений, реализуемых отдельными религиозными группами и их собственными судами, является в Индии наследием колониальной поры. Хотя законы, запрещающие дискриминацию, основанную на системе каст, подверглись изменениям и были переведены в федеральную юрисдикцию индийских судов, сохранился статус основанного на религии семейного права, подчиняющего себе сферу личной жизни. Именно этот политический и религиозный компромисс в самом сердце светской, демократической и мультикультурной Индии вынес на свет дело Шах Бано вместе со всеми его противоречиями.

«Дело о платках» во Франции. Государство действует как защитник эмансипации женщин от сообществ, в которых они происходят. В случае с Францией – некоторые женщины противостоят в этом государству, причем не с целью согласиться со своим подчинением религии, а чтобы заявить о своей идентичности, не зависимой от французской культуры. Практика, согласно которой женщины закрывают лицо, - это сложный институт, демонстрирующий большое разнообразие (чадра, хиджаб, никаб, фуляр). Данный предмет одежды выполняет символическую функцию – дает знать об этническом и национальном происхождении, о том, насколько близки или далеки они относительно традиции. Чем ярче цвета одежды и платков в противоположность коричневому, серому и, конечно, черному, чем более модный у них покрой и материал по западным стандартам, тем проще предположить значительную удаленность от исламской ортодоксии. Дело о платках, начавшееся во Франции в 1989 г., продолжилось в 1996 г. массовым исключением 23 девочек-мусульманок из школы за ношение головного платка. Под вопрос были поставлены основы французской образовательной системы и

ее философский принцип светскости. Принцип *laïcité* означает публичную и демонстративную нейтральность государства по отношению ко всем типам религиозных обычаев, институционализируемых путем тщательного устранения религиозных символов, знаков, икон и предметов одежды из официальной публичной сферы. Баланс между уважением прав личности на свободу совести и вероисповедания и светским неприятием любых форм религиозного символизма оказался хрупким. Суд, сославшись на верность Франции конституционным и правовым текстам и международным конвенциям, воззвал к необходимости соблюдения двух принципов: сохранение светского характера и нейтральности государства при оказании общественных услуг и уважения свободы совести учащихся.

В итоге дело о платках стало символизировать собой все противоречия французской национальной идентичности в эпоху глобализации и мультикультурализма, и оно еще не закончено.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Опасен ли мультикультурализм для женщин? Обсудите.
2. Репродуктивная функции женщин, культурные требования и мультикультурализм.
3. Уроки «дела о платках» во Франции для российского общества. Обсудите.
4. Равны ли на деле «равноправные культуры» принимающего сообщества и иммигрантских групп? Обсудите.

Тема 6. Религиозные свободы и многоконфессиональность в контексте идеологии и политики мультикультурализма

Аннотация. На примере стран Запада и России раскрывается динамика религиозности, значение реализации гражданских свобод в сфере религиозно-духовного выбора, эффекты и дилеммы религиозного плюрализма в условиях

постсекулярного общества.

Ключевые слова: религиозность, секуляризация, многоконфессиональность, мультикультурализм, постсекулярное общество.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Важной составляющей освоения материала является подготовка к семинарскому занятию с использованием основной и обязательной литературы (См. план семинарского занятия по теме), интернет-источников. При этом следует прибегнуть к конспектированию и реферированию изучаемых источников с позиций их критического анализа. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку литературы, рекомендованной к семинарскому занятию.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Религия и светское государство. Принцип *laïcité* в мире и Евразии / Под ред. А.Агаджаняна, К.Русселе. М.: Франко-российский центр гуманит. и обществ. наук в Москве, 2008. С. 36-48, 151-186.
2. Плещунов Ф.О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 2. С. 100-108.
3. Деминцева Е.Б. Ислам во Франции (Дискурс в трудах французских ученых второй половины XX – начала XXI вв.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.- 2011. № 1. С. 167-177.
4. Солодова Г.С. Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество// Социс. 2011. № 4. С. 45-49.
5. Низамова Л.Р. Религиозность и религиозные практики в Татарстане: тенденции и противоречия постсекулярного времени // Социология и

общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Матер. IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, Ин-т социологии РАН, Академия науки Республики Башкортостан, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. С. 4764-4768.

Отечественные исследователи, изучающие тенденции религиозной жизни в российском обществе и содержательные стороны состоявшегося в нем духовно-нравственного поворота, пока не могут прийти к согласию, как квалифицировать эти перемены. Одни считают, что секуляризация завершила свою историю вместе с канувшим в лету советским государством, и начался обратный процесс десекуляризации. Другие полагают, что, несмотря на некоторый рост религиозности жителей страны, укрепление религиозной лояльности и солидарности, а также все более активное присутствие церквей разных конфессий в публичном поле, светские ценности и ориентации остаются сегодня не менее влиятельными, чем раньше, и, без сомнения, имеют будущее в контексте дальнейшей модернизации. Весомые аргументы есть у каждой из сторон, что свидетельствует о применимости в российских исследованиях концепции «постсекулярного общества».

По мнению видного немецкого философа Ю.Хабермаса, полемизирующего с некоторыми интерпретациями «постсекулярного» социума, последний характеризуется не только тем, что «религия утверждается во все более секулярной среде», сохраняются конфессиональные различия и уважение к религиозным сообществам. Важнее, что «... «модернизация общественного сознания» охватывает при переходе к религиозной фазе как религиозный, так и светский менталитет и рефлексивно видоизменяет их». Идея «постсекулярного общества» объясняет противоречивые тенденции социального развития: все более открытую конфессиональную приверженность россиян и стойкие проявления светского менталитета и рационализированных практик, но сталкивается с «вызовами» этноконфессионального многообразия.

Йоас Х. о будущем христианства. Тезис о секуляризации – ложный, им

недооценивается жизненность религии в развитых обществах. Прогнозы о радикальной и необратимой секуляризации в силу внутренней логики модернизации - не сбылись. Предсказание в последнее время потеряло правдоподобность - так сильно, что многие сейчас берут обратный курс и говорят о "возвращении религии" или "богов" или о постсекулярном обществе или веке (Ю.Хабермас). Эти определения ложным образом подразумевают исчезновение религии в прошлом, а также переоценивают происходящие сейчас изменения. Даже те, кто заинтересован в том, чтобы вера росла, должны сохранять ясность мышления.

Следует отказаться от понимания религии как какого-то пережитка. И сегодня в Европе есть немало стран и территорий с высоким уровнем религиозности и религиозной идентичности населения (Польша, Ирландия, в некоторой степени - Хорватия и старые части Баварии); пример высокомодернизированной страны США - религиозная жизнь в Америке цветет и даже приносит множество плодов. Возникают новые формы проповедования (телевизионные проповеди, мегацеркви) вместе с новыми, часто очень успешными религиозными движениями (мормоны, пятидесятничество), США задает тон восприятию восточных религий образованным сегментом населения; эмиграция в Соединенные Штаты сделала мигрантов более активными в религиозной жизни. Исторические в США государство занимает поощряющую позицию по отношению ко всем формам религии, а не скептическую как во Франции. Отказываясь от традиционной религии, американец не становится маргиналом, но всегда может найти свою нишу в богатом и широком спектре религиозных общин.

Глобализация христианства и религиозный плюрализм в Европе, возросший с миграцией, повысил важность межрелигиозного диалога и сотрудничества христианских церквей с нехристианскими религиозными общинами.

Е. А. Степанова в статье «Вера и неверие в эпоху секулярности: проблема адекватной интерпретации» подтверждает, что в современных дискуссиях разговор все чаще идет о "постсекулярном" характере множественной

модерности [Хабермас 2002]. Для этого существует несколько причин: первая и наиболее очевидная - это усиление исламского фактора в мире в целом и в западных странах, в частности, что расценивается либо как угроза традиционным христианским ценностям, либо как упрек христианству в утрате его духовного потенциала [Дженкинс 2007]. Во-вторых, это сохранение высокого уровня религиозности в США по сравнению со странами Западной Европы, никак не укладывающиеся в рамки классической теории модернизации, одним из факторов которой считается секулярность [Бергер и др. 2008, 12].

Смешение элементов, заимствованных из разных религиозных традиций, как на уровне индивидуального сознания, так и в конфессиональной практике; это непубличный диалог о религиозных ценностях между представителями разных традиций, живущих бок о бок друг с другом, который происходит гораздо чаще, чем диалог между официальными религиозными деятелями; это отказ от формирования своей религиозной идентичности по принципу противопоставления другим группам и индивидам; [Джесперс 2003, 33]. Это акцент на личном опыте и персональном переживании божественного и новый способ восприятия трансцендентности, когда многие люди, имеющие религиозный опыт, никогда не посещают церкви (некоторые исследователи в связи с этим указывают на возникновение "новой религиозной потребности" [Антология 2000]). Это размывание границ между деноминациями, возникновение множества независимых религиозных групп и новых религиозных движений, объединяющих духовность, психотерапию и заботу о физическом здоровье; это "скандинавская модель" религиозной принадлежности, когда люди идентифицируют себя с национальной церковью, будучи при этом весьма скептически, а порой и враждебно настроенными по отношению к церковному богословию. Это мировоззренческий эклектизм, когда люди, относящие себя к той или иной христианской церкви, на самом деле придерживаются самых разнообразных верований, при этом необязательно христианских. Эти новые типы веры далеко не во всем

совпадают с традиционными представлениями основных христианских конфессий, а порой вовсе им противоречат, и поэтому часто расцениваются ими как "неверие".

Самое главное, что можно сказать о современном религиозном сознании в России, - это то, что очень мало известно о том, каким оно является на самом деле. Проводится политика государственного протекционизма по отношению к так называемым "традиционным" религиям, в результате чего определение людьми своей религиозной принадлежности оказывается в значительной степени связанным с лояльностью по отношению к существующему политическому режиму. Далее, это мифологема "особого пути" России, включающего в себя традиционные религии (прежде всего православие) в качестве основы особой российской "духовности" и символического связующего звена между настоящим и историческим прошлым. Важная составная часть этой мифологемы - объявление религии основой морали, способной улучшить нравственное состояние общества. Согласно популярным ныне представлениям, современный мир состоит из религиозно определяемых "цивилизаций" - западной (секулярной) и российской. Россия является не частью Запада, но лидером "православной цивилизации", противостоящей Западу, и внутреннее устройство страны должно строиться на "традиционной", а не на либеральной модели. В соответствии с таким пониманием, православная Россия может и должна добиться восстановления "многополярного мира" через равноправие разных "цивилизационных" подходов к мироустройству, в том числе, к международному праву [Митрополит Кирилл 2007]. Главная задача "православной цивилизации" - исключение принципа приватности религии и формирование альтернативных либеральному секуляризму позиций по всем общественно значимым вопросам [Верховский 2005].

Представляется, что официально признанная религия в современной России выполняет преимущественно светскую функцию институциональной защиты национальной идентичности, сакральной легитимации политической власти и обеспечения надежды на торжество некоей конечной высшей

справедливости, компенсирующей отсутствие представления о справедливости как реально значимой социальной ценности.

В феврале 2012 года социологами КФУ в Республике Татарстан было опрошено 1590 респондентов – постоянных жителей республики по репрезентативной квотной выборке. Конкретно-социологическое исследование позволило измерить ведущие параметры религиозности в самооценке респондентов: силу религиозной веры, религиозную информированность, участие в религиозном культе (степень воцерковленности, частоту посещения храмов, совершения молитвы, соблюдения постов и иных религиозных предписаний), значение религиозной мотивации, характеристику духовной социализации и включенности в религию как особую форму коллективного сознания и поведения, меру индивидуализации и «приватизации» религии и другие. Опрос показал, что абсолютное большинство относят себя к определенной религии, как правило, традиционной (89%): 86% русских к православию и 90% татар к исламу. Вместе с тем, каждый десятый отверг принадлежность к какой-либо религии или затруднился ответить.

Оценка состояния межрелигиозных отношений в Татарстане свидетельствует о высоком уровне толерантности населения и благоприятном в целом климате межконфессиональных установок и контактов. Подавляющее большинство рассматривают их спокойные (49%), 19% как «гармоничные и благоприятные», еще 23% как удовлетворительные. Лишь около 3,5% опрошенных усматривают напряженность и кризисные явления в этой сфере. Примечательно, что более половины респондентов считают, что и в будущем картина межконфессионального согласия сохранится, а около четверти настроены оптимистично и видят возможности улучшения. Доля, дающих пессимистический прогноз, составила всего 5%.

Несмотря на то, что многие татарстанцы относят себя к одной из двух основных религий в регионе и считают себя верующими, светские установки и ориентиры имеют широкую поддержку. Две трети респондентов считают, что «религия по-прежнему должна быть отделена от государства», отвергая идею

утверждения одной государственной религии. Соглашаясь с необходимостью введения в школьную программу предмета «Духовно-нравственное воспитание» (58%), относительное большинство выбрали бы для его изучения учебник по «Истории мировых религий» (42%), а не курс, фокусирующийся на единственной конфессии.

Наряду с общими признаками, присущими постсекулярному сообществу, ситуация в России имеет свои особенности. Принципы отделения церкви от государства и религии от школы оспариваются не «снизу» (верующими гражданами и их ассоциациями), а при содействии федеральных и региональных властей, поддерживающих традиционные церкви в расширении их многогранного влияния на общество. Если на Западе новый этап взаимоотношений верующих и неверующих предполагает переопределение «горизонтов» секуляризации и индивидуализации в интересах поддержания гражданской солидарности, то в нашей стране для этого требуются наиболее полная защита прав человека, в том числе свободы совести и вероисповедания, недопущение дискриминации, обеспечение нейтральности государственных институтов в отношении граждан и религиозных организаций. Дискурс светскости в России содействует эмансипации личности, ее высвобождению от коммунитаристских зависимостей и детерминистских стереотипов, и в более широком плане - демократизации общества.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Светское государство, многоконфессиональность и мультикультурализм: новые вопросы и «проблемные зоны».
2. Отношение либерального государства к добровольной маргинализации изоляционистских этноконфессиональных групп.
3. Дискуссия о светскости, возрождении религии и религиозном образовании в школе: содержание и значение для России.

Тема 7. Современная критика мультикультурализма: поиски альтернатив «мозаичному» и разобщенному обществу

Аннотация. С одной стороны, раскрываются ведущие аргументы консервативной и либеральной критики идеологии и политики культурного многообразия, с другой, - причины приверженности мультикультурализму в развитых демократических странах.

Ключевые слова: культурное многообразие, мультикультурализм, меньшинства, культурная ассимиляция, политика интеграции, либеральная критика мультикультурализма, консервативная критика мультикультурализма.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку дополнительной литературы.

Важной составляющей освоения материала является овладение навыками по подготовке устных презентаций и письменных аналитических записок (отчетов) на основе изучения материалов подготовки к коллоквиумам и выбора кейсов (в том числе видеокейсов) для фокусированного рассмотрения.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 1-28, 134-175.
2. Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 13-23.
3. Цюрхер К. Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под

- ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии и Институт философии РАН, 2002. С.61-79.
4. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 15-52.
 5. Издание ЮНЕСКО по межрелигиозному диалогу: Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке» / Под редакцией Д. Спивака, Н. Таббара. Спб. / Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009. С. 156-171.
 6. Белая книга по межкультурному диалогу: «Жить вместе в равном достоинстве». Страсбург: Совет Европы, 2009. С. 17-41.

Рефлексивность стала возможной благодаря действительной смене социокультурных «парадигм» в общественной жизни прежде всего иммигрантских стран (Канады, Австралии, США): переходу от идеологии и политики «плавильного котла» к практикам мультикультурализма, т.е. признания и поддержания культурной отличительности и многообразия в рамках единого национального государства («единства в многообразии»). Практический опыт воплощения новых мультикультурных ориентиров в последней трети XX века позволил подвести к началу XXI столетия некоторые из промежуточных итогов. Наряду с позитивными эффектами новой культурной свободы (признание и защита многообразных меньшинств; отказ от шовинизма и ксенофобии, этнических и религиозных предрассудков; ориентация на «включение» и интеграцию и др.) обозначились и проблемные стороны мультикультурализма, отмеченные и его оппонентами и сторонниками.

В странах Западной Европы и США спектр критических оценок весьма широк: от консервативных нападок до более влиятельных либеральных трактовок и теорий. Так в США находящиеся в меньшинстве консерваторы уверенно усматривают в мультикультурализме «атаку на евро-американскую культуру», угрозу основополагающим национальным ценностям (христианской

морали, праву, семье и др.) и с подозрительностью относят мультикультурализм к марксистской или «левой» политическим идеологиям, цель которых – разрушить потенциал культурной ассимиляции в США. Легко узнаваемые по воинствующей риторике американские консерваторы утверждают, что мультикультуралисты не любят Америку и являются не кем иным, как «мультикультуралистскими ревизионистами истории». Они убеждены, что «мультикультурализм будет создавать больше проблем, чем сможет решать» и, более того, что «рано или поздно любая мультикультуралистская мечта закончится балканским кошмаром».

Гораздо более продуктивной в дискуссии о мультикультурализме является либеральная критика, отличающаяся более спокойным тоном и учитывающая неизбежность социокультурных перемен в условиях глобализации и поддерживающая социальные реформы во имя фундаментальных либеральных принципов сохранения свобод и прав человека. Либеральная формулировка «уроков» мультикультурализма многоаспектна, и включает комментирование как имеющих место теоретико-методологических изъянов (например, присущих мультикультурализму субстантивизма и эссенциализма, приверженности монистической концепции культуры и примордиалистскому пониманию этничности), так и социально-политических следствий его воплощения в жизнь.

В западном дискурсе критике подвергается мультикультурализм, который называют «мозаичным» (по терминологии Сейлы Бенхабиб, 2003) или «фрагментарным» (Мишель Вевьерка, 2005) или «параллельным» (Кристоф Цюрхер, 2002) или «неистовым и разобщающим» (Майкл Уолцер, 2000). Сейла Бенхабиб поясняет: «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы» (Бенхабиб, 2003). К другим серьезным дефектам

мультикультурализма его критики относят: (а) создание радикальным («мозаичным») мультикультурализмом «угрозы» национальной гармонии и единству; (б) то, что «коллектив ставится выше индивида», а значит, оспаривается либеральный принцип приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов; (в) неспособность наряду с этническим плюрализмом признать и культурную гибридность и формирование космополитических или смешанных идентичностей.

Тем не менее, подвергнув резкой критике «притязания культуры», особенно в виде «мозаичного мультикультурализма», в качестве альтернативы С.Бенхабиб выдвигается концепция «совещательно-дискурсивного демократического мультикультурализма»; в адрес ниспровергателей уверенно заявлено, что «столь масштабное отрицание мультикультурных соображений – это плохая социология», а «пренебрежение мультикультурализмом выдает недостаток социологического понимания тех перемен, с которыми сталкиваются наши общества». Канадский исследователь У.Кимлика с аналогичной уверенностью утверждает, что сегодня на повестке дня стоит вопрос не о применимости мультикультурализма, а о его конкретной форме, модели, варианте, т.к. в конце XX - начале XXI вв. та или иная форма мультикультуралистской политики может быть заменена или исправлена или дополнена только другой формой мультикультуралистской политики.

Важным политическим документом стала «Белая книга по межкультурному диалогу» Совета Европы: «Жить вместе в равном достоинстве», утвержденная министрами иностранных дел стран – членов Совета Европы в Страсбурге в 2008 году.

В ней ассимиляция и мультикультурализм рассматриваются как полярные стратегии в отношении культурного многообразия. Отмечается, что ассимиляция доминировала в период с 1870 до 1945 года в период формирования и расцвета национальных государств в Западной Европе. Мультикультурализм как конкретный политический подход предполагал

«...признание особой жизненной модели меньшинств в качестве равной модели “принимающего” большинства» (Белая книга, 2009). Казалось, что это принципиально отличающаяся от ассимиляции практика, но «...на деле мультикультурализм зачастую основывался на том же схематическом видении общества по модели большинство-меньшинство; ее отличие заключалось в поддержке отделения меньшинства вместо ассимиляции в большинство» (Белая книга, 2009). Нельзя не признать, что в этом случае вновь речь идет о вызывающих озабоченность дефектах «фрагментарного» или «мозаичного» мультикультурализма.

В качестве основного пути решения назревших проблем предлагается политика обеспечения межкультурного диалога. Среди ее преимуществ названы: возможность «избежать разделения по этническому, религиозному, лингвистическому принципам», «...вместе идти вперед и на основе разделяемых всеми универсальных ценностей находить конструктивный и демократический подход к нашей различной идентичности» (Белая книга, 2009). В результате должна сложиться «межкультурная система», которая возьмет лучшее из предыдущих моделей: из концепции ассимиляции – интерес к индивидуальной личности, ее правам и свободам, а у мультикультурализма – признание факта культурного многообразия. Помимо этого добавляется «...новый элемент – крайне важный для интеграции и социального сплочения – диалог на основе равного достоинства и общих ценностей» (Белая книга, 2009). При этом сделана оговорка, что «межкультурный диалог не панацея от всех зол и не дает ответа на все возможные вопросы; необходимо признать, что сфера его применения может оказаться ограниченной». Немаловажно, что идеи книги сами являются результатом межкультурного диалога. На современном этапе не только Совет Европы, но и структуры ООН делают акцент именно на межкультурном и межрелигиозном взаимодействии, взаимопонимании, способности договариваться и действовать сообща в соответствии с общими ценностями и интересами (Спивак, Таббара, 2009).

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Консервативная критика мультикультурализма.
2. Либеральная критика мультикультурализма.
3. Есть ли альтернатива мультикультурализму?
4. Концепция и практики межкультурного диалога: потенциал, виды, возможности.

Тема 8. Актуальные проблемы (дилеммы) аккомодации культурного плюрализма в современной России

Аннотация. Раскрывается значение дискурса мультикультурализма и культурного многообразия для России в связи с новыми источниками российской многокультурности; обозначены неоднозначные эффекты ее растущей полиэтничности, являющейся результатом иммиграции в страну.

Ключевые слова: многонациональность, полиэтничность, миграция, иммиграция, миграционная политика, ксенофобия, этнические предрассудки, этнические фобии, расизм.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку дополнительной литературы.

Важной составляющей освоения материала является овладение навыками по подготовке устных презентаций и письменных аналитических записок (отчетов) на основе изучения материалов подготовки к коллоквиумам и выбора кейсов (в том числе видеокейсов) для фокусированного рассмотрения.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 253-260.
2. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года // Сайт ФМС РФ URL: www.fms.gov.rulaw868.
3. Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. 2004. № 3. С. 52-64.
4. Рыжова Н.П. Благовещенск: в поисках «чайнатауна» // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 17-29.
5. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004. С. 3-39.
6. Доклад Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru/PEREPIS/report.htm
7. Выступление директора Федеральной миграционной службы РФ К.Ромодановского на заседании расширенной коллегии ФМС 31 января 2008 г. // www.fmsrf.ru
8. Фомин Н.Н. Специфика трудовой миграции в московском регионе // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 130-133.
9. Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005. № 2. С. 41-65.
10. Мигранты в социокультурном пространстве региона. Социологические очерки / Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев, Т.Ф. Маслова; Под ред. М.К. Горшкова. - М.: Альфа-М, 2009. <http://znanium.com/bookread.php?book=155733>

В начале XXI столетия источником поликультурности современной России является не только ее историческая многонациональность, но и масштабная иммиграция в страну. Миграция населения является общемировым явлением, приобретающим еще большие масштабы и интенсивность в условиях глобализации. Если в начале 1990-х гг. в России наблюдался заметный отток населения за границу (эмиграция в индустриально развитые страны Запада), то

во второй половине 1990-х гг. – миграционная картина заметно изменилась: в страну стали прибывать не только беженцы и вынужденные переселенцы из бывших республик СССР (главным образом этнические русские), но и трудовые мигранты, носители языка, традиций и обычаев, отличающихся от доминирующих в России (молдаване, узбеки, таджики и др.). Если в середине 1990-х гг. объектом этнофобии и негативной этнической стереотипизации были цыгане, чеченцы и другие народы Северного Кавказа, то в конце 1990-х – 2000-х гг. настроения ксенофобии были массово обращены против мигрантов, особенно из республик Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана и др.).

На рубеже XX – XXI вв. Россия столкнулась с серьезным демографическим кризисом: сокращением численности населения в связи с высокой смертностью и низкой рождаемостью населения. Неблагоприятная демографическая ситуация оказалась несовместимой с планами осуществления экономических реформ и реализации задач экономического роста. В этом контексте миграция была признана важным источником сокращения демографических потерь, пополнения невостребованных на российском рынке труда рабочих мест, в целом сглаживания демографического кризиса. Однако в обществе сложились массовые негативные установки по отношению к мигрантам. Само слово «мигрант» приобрело выраженный негативный смысл и ассоциируется с образом «чужого». Термин «мигрант» трактуется чрезвычайно широко: он включает россиян, приехавших в крупные мегаполисы на заработки (включая этнических русских и русскоязычных), приезжих представителей неславянских народов, а также иностранцев – временных трудовых иммигрантов и тех, кто планируют осесть в России. Неприязнь по отношению к мигрантам сопровождается неприятием иностранных студентов и туристов, всех «чужих». Это – яркое свидетельство роста ксенофобии, расизма и крайних проявлений этнонационализма в России.

Ксенофобия – это недоверие, боязнь и ненависть к «чужому». *Этнические предрассудки и фобии* есть предвзятые представления об индивиде или группе, являющиеся выражением негативных установок принимающего общества по

отношению к мигрантам (Гидденс, 1999). *Расизм* в российском обществе проявляется по-разному: существует традиционный и новый символический (или «культурный») расизм. Традиционный расизм рассматривает расовые признаки (цвет кожи, форма носа, форма и цвет волос и др.) как ключевые в сознании и поведении людей, провозглашает извечное неравенство рас и превосходство одних над другими. Борьба с традиционным расизмом в демократических обществах привела к тому, что его идеи находятся вне закона и преследуются им. По этой причине новый расизм носит скрытый и уклончивый характер, обозначается не столько в биологических терминах и признаках, сколько в культурных различиях: раса рассматривается как форма этничности, те или иные модели социального поведения закрепляются за расовыми или этническими группами (Шнирельман, 2005). Примечательно, что на фоне распространения нового «культурного» в России происходит агрессивное усиление старого биологического расизма.

Сегодня социологи весьма критически оценивают полезность категории «раса» для социального анализа, так как расы не являются объективно существующими коллективами людей с присущим им набором биологических признаков, которые выделяли бы их среди представителей других рас. Это подтверждается огромным числом несовпадающих классификаций расовых групп: одни эксперты выделяют три человеческих расы, другие – до двадцати категорий. Так, французский анатом Кювье идентифицировал три человеческие расы – 1) белая (кавказская), 2) черная (эфиопская), 3) желтая (монгольская). Российский историк Л.Н.Гумилев писал о существовании шести рас: 1) белая (европеоиды), 2) негроидная, 3) койсанская южная раса (к ней, например, относятся бушмены), 4) австралоиды, 5) монголоиды, 6) американоиды (Гумилев, 2003). Социологический подход строится на тезисе: «раса есть социальная конструкция». Это означает, что вера в реальное существование отдельных рас есть результат «расиализации», то есть приписывания расовых черт тем или иным группам населения, выделения их в особую категорию и закрепления за ними особого места в расово окрашенной социальной структуре

(Шнирельман, 2005). Например, в современной России имеет место расиализация «лиц кавказской национальности», мигрантов из государств Средней Азии.

Специалисты по изучению миграции различают четыре основных модели взаимодействия иммигрантов и принимающего общества: 1) полное исключение; 2) дифференциальное исключение, или сегрегация; 3) ассимиляция; 4) поддержание плюрализма (Юдина, 2004). Модель полного исключения означает запрет на въезд и предотвращение притока иммигрантов в страну. Модель дифференциального исключения (сегрегация) – это «ситуация, когда иммигранты объединены временно в некоторые социальные подсистемы и включены только в некоторые области жизнедеятельности общества (прежде всего в рынок труда), но лишены доступа к другим сферам» (Юдина, 2004: с. 28). Модель ассимиляции есть «политика включения мигрантов в общество через односторонний процесс адаптации: ожидается, что иммигранты поступятся своими отличительными лингвистическими и социальными характеристиками и станут неотличимыми от большинства населения» (Юдина, 2004). На смену политике ассимиляции в развитых индустриальных странах в конце XX века пришла политика интеграции, сохраняющая культурное многообразие.

Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала заметный миграционный прирост в 5,6 млн. человек (Доклад Федеральной службы государственной статистики). К 2007 г. на учет по месту пребывания было поставлено уже почти 8 млн. иностранных граждан (Ромодановский, 2008). В начале 2010-х гг. с учетом высоких темпов миграционного прироста оценка численности мигрантов достигла 15-20 млн. человек (Фомин, 2010: с. 130). Эти цифры означают, что российскому обществу предстоит выбирать между тремя моделями адаптации мигрантов: сегрегацией, ассимиляцией и мультикультурализмом. Мультикультурализм, признающий за иммигрантскими группами право на сохранение культурной отличительности, пока не рассматривается в России как возможный вариант политики. В

политическом поле идет борьба за легитимацию двух моделей – дифференциального исключения (сегрегации) и ассимиляции. Потенциально возможные явления геттоизации, то есть формирование замкнутых этнических кварталов и обособление в них, оцениваются как неприемлемые. Это выражается, в частности, в озабоченности по поводу возможного возникновения «чайнатаунов» в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также столице страны.

Социологические исследования пока не подтверждают опасений относительно появления особых этнических кварталов в российских городах. Отмечается, что этнические меньшинства в Москве, включая и иммигрантов из бывших республик СССР, интегрированы в контекст московской жизни и руководствуются принципом «в Москве надо стремиться жить как все». Интеграции в немалой степени способствуют многоэтажная жилая застройка российских городов и сложившаяся в советские годы смешанность расселения социальных и этнических групп. Социологи пришли к выводу, что главными проводниками этнической сегрегации сегодня становятся имущественное неравенство и бедность. Следовательно, «борьба с мигрантами, ужесточение паспортного режима и милицейского контроля не защитят от формирования этнических анклавов» (Вендина, 2004). Более эффективными будут не силовые меры и репрессивный административный контроль, а реализация одновременно экономической и социальной политики, способствующей ликвидации бедности и «включению» иммигрантов в российское общество на недискриминационной и вместе с тем твердой правовой основе. Российские ученые считают предпочтительным не насильственный, а естественный характер адаптации приезжающих; в ряду возможных стратегий адаптации (анклавизация, сегрегация, принудительная ассимиляция, интеграция) называют интеграцию как наиболее оптимальную и социально оправданную (Рыжова, 2008). В настоящее время миграционная политика в стране регулируется положениями «Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года» и исходит из того, что «переселение мигрантов на постоянное место

жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития».

Стратегия социальной и этнокультурной интеграции российского общества не может не отражать существующий де-факто социальный и культурный плюрализм и должна выстраиваться с учетом его исконной многонациональности, предполагающей формирование демократической федерации. Ее можно будет считать успешной, если она будет содействовать разрешению проблем многочисленных российских диаспор; создаст благоприятный фон для проведения новой политики миграции и иммиграции; а также сможет благоприятствовать признанию активно формирующихся в условиях глобализации смешанных и многоуровневых этнокультурных идентичностей, зачастую идущих вразрез с официальными классификациями.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Формы многокультурности в современном мире: многонациональность и полиэтничность.
2. Позитивные и негативные эффекты миграционного притока в Россию.
3. Причины этнофобий и мигрантофобии в российском обществе.
4. Стратегии аккомодации мигрантов в современной России.
5. Возможна ли в нашей стране реализация политики мультикультурализма в отношении приезжих иностранцев?

Тема 9. Нациестроительство в России конца XX – начала XXI вв.: формирование политической нации и сохранение культурного многообразия

Аннотация. Раскрывается специфика исторического контекста и тенденций нациестроительства в современной России, разворачивающегося после распада коммунистической системы и развала СССР. Рассматриваются спорящие варианты национального самоопределения русского народа и национальной идентичности России.

Ключевые слова: нациестроительство, нация, национализм, русский национализм, политическая нация, культурное многообразие.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Важной составляющей освоения материала является подготовка к семинарскому занятию с использованием основной и обязательной литературы (См. план семинарского занятия по теме), интернет-источников. При этом следует прибегнуть к конспектированию и реферированию изучаемых источников с позиций их критического анализа. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку литературы, рекомендованной к семинарскому занятию.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения. 2004. № 3 (71);
2. Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005. № 2 (29). С. 6-24.

3. Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005. № 2 (29). С. 41-65.
4. Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 148-159.
5. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford University Press, 1995. P. 10-33.
6. Круговых И.Э. Российское законодательство, связанное с защитой и поощрением региональных языков или языков меньшинств. Экспертный доклад. URL: http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99.
7. ЮНЕСКО посчитало исчезающие языки в России. URL: <http://lenta.ru/news/2009/02/20/languages/>.
8. Низамова Л.Р. Российская модель мультикультурализма: источники, потенциал, ответы на этнополитические вызовы // Вестник Института Кеннана в России. Вып. № 10. М., 2006. С. 46-51.
9. Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 13-23.

Одним из центральных векторов постсоветских реформ стал процесс нациестроительства в современной России. Примечательно, что он развернулся в условиях дестабилизации и трансформации национальных государств образца XIX – начала XX века, ориентированных на интеграцию значительных территорий в суверенную политическую единицу, «переплавливание» и нивелирование этнокультурных различий и ассимиляцию меньшинств. Расширяющиеся в контексте глобализации транснациональные связи стали благоприятным фоном для возрождения «старых» этнических и региональных идентичностей, актуализации притязаний этнических, религиозных и языковых меньшинств, широкомасштабной иммиграции.

Динамика национальных процессов и межэтнических отношений в РФ определяется, с одной стороны, этнополитической стабилизацией в регионах, в

которых после развала СССР в начале 1990-х годов наблюдался существенный рост этнонационализма титульных этнических групп республик (татарского, якутского, башкирского и др.). Особой стала кризисная ситуация в Чеченской Республике, Северокавказском регионе и территориях, прилегающих к ним. С другой стороны, межэтническое недоверие и негативные гетеростереотипы, подпитываемые войной в Чечне и действиями террористических сил в регионе и в целом на территории России, усугубились в начале 2000-х годов в контексте поступательного роста русского этнического самосознания и утверждения русского национализма, явно опережавшего и оспаривавшего распространение инклюзивной идеи общероссийского гражданского национализма. Россия все чаще стала мыслиться как «государство для русских»; русские как этническое большинство объявлялись «государствообразующей» (или «империеобразующей») национальностью и, соответственно, становились «законными владельцами государства» (Левада, 2004; Гудков и др., 2005).

Логическим следствием подобных взглядов является легитимация практик исключения и политико-культурной маргинализации значительных слоев населения (всех мигрантов, этнических меньшинств, иностранцев, иноверцев и др. – одним словом, всех «чужих»). Это означает, что межэтнические отношения в РФ вступили в новый, причем весьма проблемный и тревожный этап, характеризующийся заметным ростом ксенофобии, расизма (Шнирельман, 2005) и шовинизма. Российские эксперты справедливо квалифицируют ксенофобию как «системный фактор» современного российского общества (Паин 2005), как форму массовой «негативной консолидации» (Гудков и др., 2005), идущей вразрез с модернизационной программой развития страны. Опасения подтверждаются результатами социологических исследований последних лет, фиксирующих, что негативные межэтнические установки в отношении кавказских народов растут, а мигранты в России все больше воспринимаются как «угроза безопасности и порядку». По мнению многих респондентов, иностранцы и мигранты «опасны», «ведут себя

нагло и агрессивно», «наживаются на коренном населении», и их слишком много: в России – «засилье приезжих». Отличительной особенностью текущего этапа межнациональных отношений является то, что социальная база ксенофобии и шовинизма заметно расширилась и включает не только депривированные «низы», но также какую-то часть политической и культурной элиты российского общества. Конечно, в подобной идеологической атмосфере возможности практического использования потенциала мультикультурализма существенно ограничиваются.

Культурное многообразие наций-государств начала XXI века, в том числе и Российской Федерации, стало тем серьезным социальным вызовом, от реагирования на который зависит их благополучие и будущее. В начале 2011 года «мультикультура» в России получила весомую политическую поддержку со стороны президента Дмитрия Медведева, но по-прежнему остается немало вопросов о том, как эта идея должна быть воплощена на практике.

В современной России неявно конкурируют два варианта интеграции этнических групп: ассимиляция и культурный плюрализм. Тема мультикультурализма актуальна и значима для современной России, являющейся одновременно многонациональной и полиэтнической страной (Kymlicka, 1995). Многонациональность выступает историческим фактором объединения в единое государство прежде политически самостоятельных и самоуправляемых территорий и выражается в современной России в существовании статистических национальных меньшинств, многие из которых сегодня являются «титულными национальностями» (татары, башкиры, якуты, чеченцы, ингуши и другие). Полиэтничность – относительно новое явление, ставшее результатом растущей иммиграции в страну в последние 15 лет. Зачастую именно со значительным притоком мигрантов связывают расширение дискурса мультикультурализма в странах Старого света.

Однако очевидно, что в нашей стране существует немалая предубежденность в отношении мультикультурного будущего для России.

Мультикультурализм странным образом ставится в один ряд с национализмом и сепаратизмом, увязывается с якобы возможной сецессией, что явно искажает его ключевые принципы, главный из которых – ориентация на «включение» и интеграцию ранее исключаемых групп, а не отделение и создание новых социальных барьеров.

К тому же сегодня отечественная позиция по вопросу формируется под влиянием публичных заявлений о провале политики мультикультурализма в Европе. Лидеры таких влиятельных государств, как Германия, Франция, Великобритания, Испания, признали полную несостоятельность попыток построить мультикультурное общество из-за нежелания и неготовности иммигрантов (особенно мусульман) интегрироваться в принимающих государствах, отказа следовать западным ценностям (нормам равноправия, главенства закона, свободы слова и т.д.), предпочтения коммунитарных порядков, а также угрозы распространения исламского экстремизма. При этом российские аналитики упускают из внимания тот факт, что речь идет о неудовлетворительных результатах этой политики прежде всего в отношении иммигрантских групп, а не автохтонных национальных меньшинств. В отношении национальных, этнических, языковых групп сограждан она нисколько не оспаривается. Напротив, созданы и активно продвигаются на практике международные нормы защиты равноправия и недискриминации, поддержки национальных меньшинств. Среди них: Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995), Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (1992), Гаагские рекомендации по правам национальных меньшинств на образование (1997), Рекомендации по языковым правам национальных меньшинств, принятые в г. Осло (1998), Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990) и многие другие.

Вместе с тем опыт реализации мультикультурализма в странах Западной Европы в последние десятилетия позволил существенно уточнить ориентиры в

целях развития либеральной демократии, установления оптимального баланса между крайностями «коммунитаризма» и «абстрактного универсализма», содействия демократическому включению так называемых «исключенных групп».

Одним словом, осознание негативных и проблемных сторон политики культурного плюрализма последних десятилетий и даже заявления о «провале мультикультурализма» не предполагают отказа от стратегий поддержания и развития культурного многообразия. Речь идет о нахождении оптимального баланса между сохранением этнокультурной отличительности и гражданским включением, правами индивида и коллективными правами, о продвижении «интегративного» или «демократического» мультикультурализма. Ассимиляция же в условиях XXI века может рассматриваться как разновидность нового расизма: «сообщить группе, что ее идентичность должна исчезнуть и раствориться, равносильна ее дискредитированию, отрицанию и презрению, рассмотрению ее как опасности», – считает французский социолог Мишель Вевьерка (Вевьерка, 2005).

Так может ли наша страна в контексте вышесказанного отказаться от реализации той или иной модели мультикультурализма и межкультурного диалога? Думается, что нет в силу целого ряда причин. Среди них выделим следующие:

1. Российская Федерация взяла на себя международные обязательства по сохранению и развитию культурного многообразия, а меньшинства, в свою очередь, могут использовать наднациональные механизмы для продвижения своих интересов и прав. Так, например, в 1998 году Россия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств. Механизм реализации конвенции предполагает, что раз в пять лет страна, следующая международным нормам, отчитывается о ходе реализации Конвенции и получает рекомендации от экспертов по выполнению взятых на себя международных обязательств. В последние годы в РФ реализуется совместная с Советом Европы трехлетняя Программа по продвижению Европейской хартии

региональных языков и языков меньшинств, апробация ее положений на практике в пяти пилотных регионах (в настоящий момент Хартия в РФ не ратифицирована, хотя она и была в 2001 году одобрена и подписана). Подписание Рамочной конвенции стало во многом возможным благодаря тому, что в постсоветской России как правопреемнице СССР были официально закреплены основы реализации следующих принципов международного соглашения: формальное равенство перед законом и запрет на дискриминацию; создание условий для сохранения культуры и основных элементов самобытности: языка, традиций и культурного наследия; учреждение и поддержка СМИ национальных меньшинств (печати, радио, телевидения, кинематографической деятельности); свобода пользования языком своего меньшинства в личной жизни и общественных местах; обеспечение равных возможностей доступа к получению образования всех уровней; право пользования своим именем (фамилией, именем, отчеством) на языке меньшинства и его официальное признание и другие.

2. Мультикультуралистские ориентиры глубоко укоренены в политической истории России XX столетия, берут свое начало в том, что сегодня иногда называют «советский мультикультурализм». Практики «советского мультикультурализма» в поддержку национальных меньшинств и культурного разнообразия сегодня по инерции воспроизводятся в новой России, и не получится легко от них отказаться.

Конечно, принятую в СССР и РСФСР этнокультурную политику нельзя квалифицировать как мультикультуралистскую. В целом она носила непоследовательный и противоречивый характер. Положительные ее стороны не могли полностью скрыть выраженные негативные аспекты, не совместимые с идеологией и политикой современного мультикультурализма и межкультурного диалога (иерархическое «ранжирование» народов и этнических групп; избирательное воплощение принципа национального самоопределения; депортация целых народов (чеченцев, калмыков, балкарцев, крымских татар, карачаевцев, поволжских немцев и других); латентный

антисемитизм). К тому же программная цель КПСС и советского государства исключала закрепление многокультурности, как идущей вразрез с «объективным процессом» формирования новой социальной общности – «советского народа». Этим советская этническая стратегия «интернационализации» напоминала идеологию «плавильного котла» (Низамова, 2006).

В 2000-е годы советская политика национальностей была подвергнута резкой критике как «волютаристская», «искусственная», «потерпевшая фиаско», а оппоненты многонационального федерализма усматривают в нем прямую угрозу целостности российского государства, препятствие на пути утверждения национального единства и источник сепаратизма и экстремизма. Судьба распавшегося СССР выглядит в их глазах неоспоримым подтверждением всех этих тревог. В целом, это время выраженного неприятия мультикультуралистского будущего для России и приверженности идеалу «интеграции», сводящейся к унификации социального пространства культурных различий и формированию гомогенного политического и культурного единства. Тем не менее сравнительный анализ российского законодательства по обеспечению сохранения и развития языков народов РФ и Европейской хартии, сделанный московскими экспертами, установил большую степень соответствия принципов российского национального и международного законодательства: «...российское законодательство вполне адекватно отражает основные требования и условия европейской Хартии, а в некоторых случаях и перекрывает в содержательном плане ее положения» (Круговых, 2009). И все же существование правовых норм, содействующих сохранению культурного многообразия, само по себе не решает всех проблем: в 2009 году ЮНЕСКО признала 136 языков народов, проживающих на территории России, находящимися под угрозой исчезновения (ЮНЕСКО).

В начале второго десятилетия XXI века в условиях роста ксенофобии, расизма и усложнения межэтнических отношений в российском обществе

возникает «ностальгический» вопрос: возможен ли перенос достижений и идеологической атмосферы «советского интернационализма» в Россию сегодняшнего дня для обеспечения межэтнического согласия, мира и политической интеграции? Думается, что отчасти возможен за счет последовательного продвижения идей многокультурности современной России (это означает, что все народы – государствообразующие, все языки – значимые), поддержки межкультурного обмена и диалога в рамках общих институтов и совместных практик на всех уровнях: федеральном, региональном и местном. Принятые де-юре правильные законы, запрещающие разжигание межэтнической розни и ненависти, должны безукоснительно работать де-факто и наказывать нарушителей. Если в СССР действовала формула: «культура – национальная по форме, социалистическая по содержанию», то в РФ ориентиром должна стать «российская нация XXI века – одновременно мультикультурное, интеркультурное и демократическое согражданство». Однако серьезным препятствием на пути «повторения» опыта советского интернационализма и, что важнее, построения гражданской нации является фактическое неравноправие россиян и глубокое социально-экономическое неравенство в обществе. Действительно, идея политической нации как «горизонтального товарищества и братства» не предполагает равенства доходов и собственности, но строится на принципе уважения взаимных и равных прав и обязанностей. Очевидно, что нынешний российский неоэтакратизм не совместим с уравнительной идеологией советского этакратизма, так как зиждется на сплаве власти и собственности, их аккумуляции в руках немногих; права и свободы россиянина определяются в немалой степени величиной его экономического капитала. Следовательно, и имитация «советского интернационализма» в условиях усиливающейся поляризации общества и в отсутствие правового государства будет иметь свои пределы. Равноправное мультикультурное согражданство в РФ невозможно без соответствующей политики на федеральном уровне – последовательной и систематической.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Концепции национальной идентичности современной России: аргументы за и против.
2. Характеристики и особенности современного русского национализма.
3. Стратегии обеспечения политического единства российской нации и сохранения культурной самобытности меньшинств.

Тема 10. Поликультурное образование в России: история и современность

Аннотация. Рассматривается трансформация системы многонационального и полилингвального образования, унаследованная от СССР, в современной России. Раскрывается динамика поликультурного образования и ее многообразные формы; особое внимание уделяется примеру Республики Татарстан как региону реализующего стратегию поддержания государственных языков республики, поощрения двуязычия и полилингвизма.

Ключевые слова: поликультурное образование, мультикультурное образование, этнокультурное образование, национальная школа, билингвизм.

Методические рекомендации по изучению темы:

Студент, изучающий дисциплину, ознакомившись с темой на лекционном занятии, опираясь на сделанный им конспект, а также изложение краткого конспекта лекций, приступает к самостоятельной работе над вопросами, представленными в программе дисциплины. Важной составляющей освоения материала является подготовка к семинарскому занятию с использованием основной и обязательной литературы (См. план семинарского занятия по теме), интернет-источников. При этом следует прибегнуть к конспектированию и реферированию изучаемых источников с позиций их критического анализа. Следует начать с основной литературы по курсу, затем перейти к списку литературы, рекомендованной к семинарскому занятию.

Рекомендуемые информационные ресурсы:

1. Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад [<http://www.coe.ru/doc/men/info/>].
2. Джуринский А. Концепции и реалии мультикультурного воспитания: сравнительное исследование. М.: Academia, 2008. С. 37-71.
3. Московский международный портал. URL: http://www.moscow.ru/ru/guide/trip_planning/education/schools/education_foreigners/.
4. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств и пояснительный доклад: русская версия. Страсбург: Совет Европы, 1998.
5. День знаний в Петербурге: дети открыли Букварь для мигрантов. URL: <http://www.baltinfo.ru/2010/09/01/Den-znani-v-Peterburge-deti-otkryli-Bukvardlya-migrantov-160390> (1 сентября 2010 года).
6. Низамова Л.Р. Модели этнокультурного образования: актуальная дискуссия в Татарстане // Межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в условиях глобализации: на пути к формированию гражданской идентичности. Сб. матер. II –ой Межд. науч.-практ. конф. 16-17 ноября 2011 г., г. Казань, SIGRI; оргкомитет Л.Р.Усманова и др.- Казань: Изд-во «ТАИ», 2012. С. 41-47.
7. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах с. 94-101 // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94-101.

Концепция поликультурного (мультикультурного) образования в современной России является новой для научного и политического дискурса, в нее вкладывается разный смысл и подразумеваются:

1. Национальная школа (школа с этнокультурным компонентом);
2. Система многоязычного, чаще двуязычного (билингвального) обучения;

3. Новые образовательные практики для детей-иммигрантов в крупнейших городах России (школы русского языка, дополнительные занятия по русскому языку в начальной школе для детей из семей иммигрантов).

Национальная школа как массовая и поддерживаемая государством организация берет начало в СССР. Статистика свидетельствует, что в 1960-х годах в РСФСР 47 языков применялось в обучении, к 1970-м годам их число сократилось до 30. В 1980-х годах полное среднее образование можно было получить на русском, татарском и башкирском языках. Стратегия «советизации» народов СССР и продвижение русского языка как общепонятного языка межнационального общения постепенно сокращали число национальных школ, особенно за границами титульных территорий и в городах. В период 1990-х годов – в ельцинской России – «национальная школа» приобрела новые задачи, так как подпитывалась этническим национализмом меньшинств, требованиями признания и автономии. Так, например, в Татарстане была поставлена задача развития среднего образования на татарском языке (особенно в городах) в контексте утверждения паритета русского и татарского языков как государственных языков в регионе, достраивания системы национального образования до самого «верха» за счет учреждения Татарского национального университета (фактически до сегодняшнего дня он не создан). К концу 1990-х годов были открыты 124 татарских гимназии, 7 татаро-тюркских лицеев. Кроме того, республиканская система поликультурного образования включает: чувашские, марийские, мордовские школы, 400 смешанных школ с двумя или тремя языками обучения, воскресные еврейские, азербайджанские, армянские, украинские и другие школы.

Хотя татарские школы и гимназии должны были стать образовательными учреждениями с полным циклом обучения на национальном языке, на деле они сегодня чаще всего являются школами с преподаванием на русском языке по федеральным образовательным стандартам. Цели сохранения этнической идентичности учеников и развития татарской культуры решаются с помощью

уроков татарского языка и литературы, арабского и турецкого языков, истории татарского народа и иных предметов. Вместе с тем татарская общественность не удовлетворена имеющимся, в том числе и тем, что в ряде регионов и поселений татарские школы были закрыты, поэтому с 2005 года началась (пока неуверенная) реализация проектов «Татарская виртуальная гимназия», преподавание татарского языка посредством Интернета, чтобы с помощью информационных технологий преодолевать барьеры на пути национального образования.

Федеральные эксперты дают весьма оптимистическую оценку применению национальных языков в российском просвещении: на 2009 год 33 языка используются в системе воспитания и обучения, в том числе – 14 на ступени общего (полного) среднего образования (Тишков и др., 2009). В Москве работают 34 школы и 5 детских садов с этнокультурным компонентом (Московский международный портал). Однако есть заметные асимметрии: федеральная политика поощряет изучение русского языка и иностранных, а языки меньшинств все менее востребованы и все больше маргинализируются, вытесняются в очень узкие социальные «ниши»: семью, родственные отношения, местные сообщества. Изучение русского языка является обязательным, а местных и региональных языков по сложившейся тенденции – скорее добровольным.

Система обязательного двуязычного обучения в Татарстане предполагает освоение всеми учениками не только русского, но и татарского языков. В духе интегративного мультикультурализма и межкультурного диалога этот подход не предполагает разделения учеников по этническому происхождению и религиозной идентичности на уровне школ, создает условия для межкультурного общения, воспитания в духе терпимости и взаимного понимания. Определенные результаты такая политика уже принесла: если по данным переписи населения 1989 года 77,3% татар владели русским языком и только 1,1% русских – татарским, то в 2010 году 95,5% татар владели русским и 4% русских – татарским языком. Однако в 2010/2011 учебном году в

Республике Татарстан раздается критика именно в адрес обязательного изучения татарского языка всеми учениками. Активисты группы «Русский язык в школах Татарстана» обратились к министру образования Андрею Фурсенко с открытым письмом от имени 60 родителей. Письмо размещено в Интернете, активно и даже страстно там обсуждается. Поводом для жалоб русскоговорящих родителей стало то, что «во многих школах количество часов татарского языка превышает количество часов русского языка». Главным объектом критики стал вариант 3 Примерной общей образовательной программы (далее ООП) Федерального государственного образовательного стандарта (далее ФГОС) для начальной школы – «образовательных учреждений, в которых обучение ведется на родном (нерусском) языке, в том числе в субъектах федерации, в которых законодательно установлено государственное двуязычие». ФГОС предполагает три варианта: обязательная часть раздела «Филология» варианта 1 исключает изучение родного (нерусского) языка; вариант 2 отводит объединенному предмету «Родной язык и литературное чтение» 12 часов в неделю, что составляет 40% от занятий, предоставляемых на изучение «Русского языка» и «Литературного чтения» на русском языке. Лишь вариант 3 следует паритетному распределению учебных часов на русском и родном языке в одной из частей («Филология») ООП. Активисты считают, что русские не обязаны изучать татарский язык в объемах, сравнимых с часами, отводимыми на русский язык и литературу; что права русскоязычных в изучении русского языка ущемляются. В свою очередь татарская общественность напоминает, что предметы всех иных циклов помимо «Филологии»: математика и информатика, обществознание и естествознание и другие – изучаются исключительно на русском языке.

Позиция, при которой по умолчанию предлагается разделить учеников по этническому принципу и обучать отдельно их родным языкам (русских – русскому языку, татар – татарскому языку), является выражением критикуемого сейчас «фрагментарного», «мозаичного» мультикультурализма. Исключается возможность межэтнического равноправного взаимодействия,

активного общения, то есть, по европейской терминологии, «межкультурного диалога», который сможет обеспечить формирование новой «межкультурной системы» и мультикультурного согражданства. К сожалению, популярная многотиражная русскоязычная газета г. Казани стала выразителем претензий, которые высказываются противниками многокультурности и многоязычия в регионе.

Еще более агрессивно нетерпимость, ксенофобия, расизм и национализм в России проявляются в отношении образования мигрантов. Это подтверждают отзывы многих интернет-пользователей о вышедшем в 2010 году в Санкт-Петербурге «Русском букваре для мигрантов». Приведем типичную точку зрения: «Тоже возмущена тем, что неграждан лечат и учат за мой счет, да еще спецусловия собираются им создавать. Чтобы работать дворниками и кровельщиками образование не нужно» (День знаний в Петербурге). Позиция правозащитников, в частности мнение уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге о том, что дети мигрантов имеют право на образование в России, не встречает понимания. Опыт соседней Финляндии, где не только помогают детям иностранцев адаптироваться в чужой стране и выучить финский язык, но также содействуют сохранению своих традиций и культуры и для этого преподают 47 языков, вызывает агрессивную реакцию. Пока в России вопросами образования мигрантов занимаются только сами учителя, общественные организации при содействии зарубежных грантов и региональные власти (есть пример школ русского языка при поддержке правительства Москвы). Как свидетельствует иммиграционный опыт западноевропейских государств, аккомодация полиэтничности в России обязательно потребует принятия адекватных политических решений на федеральном уровне.

Реализация многокультурности и межкультурного диалога, формирование мультикультурного согражданства в нашей стране предполагает проведение большой и систематической работы как федеральными, так и региональными органами власти России по воплощению таких важных принципов

европейского соглашения, как признание права свободного выбора индивидом принадлежности к национальному меньшинству или отказ от членства; отказ от политики и практики ассимиляции лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, против их воли; готовность принять надлежащие меры для защиты лиц, которые могут стать объектами враждебности, дискриминации или насилия вследствие их этнокультурной и религиозной идентичности; обеспечение условий использования языков меньшинств в их отношениях с административными органами и других (Рамочная конвенция, 1998). В случае воплощения этих положений на практике будут наиболее полно реализованы права и свободы индивида в контексте продвижения отношений недискриминации в обществе, сохранения и развития групповых этнокультурных идентичностей, являющихся выражением расширяющейся культурной свободы.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Язык и образование как инструменты государственного нациестроительства: основные тенденции.
2. Национальная школа и образование на региональных и местных языках: международные инструменты защиты прав меньшинств.
3. Поликультурное образование и языковой плюрализм в современной России: состояние и перспективы.
4. Концепция «интеркультурного образования»: значение для России.

Список литературы и источников по дисциплине:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
3. Белая книга по межкультурному диалогу: «Жить вместе в равном достоинстве». Страсбург: Совет Европы, 2009.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру.- М.: Логос, 2003.
5. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Ab Imperio*. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 1, 2.
6. Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011.- № 4.
7. Вевьерка М. Формирование различий // *Социологические исследования*. 2005. № 8.
8. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
9. Глобализация и проблемы сохранения культурного многообразия / Ю.В.Хен.- М.: Ин-т философии РАН, 2010.
10. Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // *Pro et Contra*. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005. № 2 (29).
11. Деминцева Е.Б. Ислам во Франции (Дискурс в трудах французских ученых второй половины XX – начала XXI вв.) // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*.- 2011. № 1.
12. День знаний в Петербурге: дети открыли Букварь для мигрантов. URL: <http://www.baltinfo.ru/2010/09/01/Den-znanii-v-Peterburge-deti-otkryli-Bukvar-dlya-migrantov-160390> (1 сентября 2010 года).

13. Джуринский А. Концепции и реалии мультикультурного воспитания: сравнительное исследование. М.: Academia, 2008.
14. Издание ЮНЕСКО по межрелигиозному диалогу: Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке» / Под редакцией Д. Спивака, Н. Таббара. СПб. / Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009.
15. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа: Учебное пособие. М., 1995.
16. Кимлика У. Федерализм и сецессия: Восток и Запад // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 3 / 4.
17. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
18. Кон Х. Идея национализма // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 3.
19. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года // Сайт ФМС РФ URL: www.fms.gov.ru/law868.
20. Круговых И.Э. Российское законодательство, связанное с защитой и поощрением региональных языков или языков меньшинств. Экспертный доклад. URL: http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99.
21. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000.
22. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8.
23. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие.- М.: КДУ, 2005.
24. Малахов В. Вызов национальному государству // Pro et Contra. 1998. Т.3, № 2.
25. Масионис Дж. Социология. СПб., 2004.

26. Мигранты в социокультурном пространстве региона. Социологические очерки / Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев, Т.Ф. Маслова; Под ред. М.К. Горшкова. - М.: Альфа-М, 2009.
<http://znanium.com/bookread.php?book=155733>
27. Московский международный портал. URL:
http://www.moscow.ru/ru/guide/trip_planning/education/schools/education_for_eigners/
28. Низамова Л.Р. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Матер. конф. / Под ред. А.Малашенко; Моск. Центр Карнеги.- М.: Гендальф, 2005.
29. Низамова Л.Р. Религиозность и религиозные практики в Татарстане: тенденции и противоречия постсекулярного времени // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Матер. IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, Ин-т социологии РАН, Академия науки Республики Башкортостан, ИСППИ. – М.: РОС, 2012.
30. Низамова Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма // Социологические исследования. 2009. №10.
31. Низамова Л.Р. Российская модель мультикультурализма: источники, потенциал, ответы на этнополитические вызовы // Вестник Института Кеннана в России. Вып. № 10. М., 2006.
32. Низамова Л.Р. Модели этнокультурного образования: актуальная дискуссия в Татарстане // Межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в условиях глобализации: на пути к формированию гражданской идентичности. Сб. матер. II –ой Межд. науч.-практ. конф. 16-17 ноября 2011 г., г. Казань, SIGRI; оргкомитет Л.Р.Усманова и др.- Казань: Изд-во «ТАИ», 2012.

33. Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // Общественные науки и современность. 2005. № 1.
34. Плещунов Ф.О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 2.
35. Пришел ли конец национальному государству? URL: <http://all-politologija.ru/knigi>
36. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств и пояснительный доклад: русская версия. Страсбург: Совет Европы, 1998.
37. Религия и светское государство. Принцип laïcité в мире и Евразии / Под ред. А.Агаджаняна, К.Русселе. М.: Франко-российский центр гуманит. и обществ. наук в Москве, 2008.
38. Садохин А.П. Этнология: Учеб.пособие. М., 2004.
39. Солодова Г.С. Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество// Социс. 2011. № 4.
40. Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад [<http://www.coe.ru/doc/men/info/>].
41. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
42. Филиппова Е. Французы, мусульмане: в чем проблема? // Этнографическое обозрение.- 2005.- № 3.
43. Фомин Н.Н. Специфика трудовой миграции в московском регионе // Социологические исследования. 2010. № 4.
44. Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Политические исследования. 1999. № 6.
45. Цюрхер К. Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под

- ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии и Институт философии РАН, 2002. С.61-79.
46. Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005. № 2.
47. Электронный образовательный ресурс URL:
<http://zilant.kpfu.ru/course/view.php?id=17117>
48. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / под ред. Р.Г.Минзарипова, С.А.Ахметовой, Л.Р.Низамовой. Казань: Казан. ун-т, 2013.
49. ЮНЕСКО посчитало исчезающие языки в России. URL:
<http://lenta.ru/news/2009/02/20/languages/>.
50. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives, London, 1993.
51. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford University Press, 1995.

Вопросы к зачету:

1. Концепция национализма Э.Геллнера.
2. Сущность и соотношение нации и национализма.
3. Природа и характеристики “воображенных сообществ” эпохи “печатного капитализма” Б.Андерсона.
4. Э.Смит о значении доиндустриальных этнических связей в формировании наций.
5. Согражданство как новое политическое сообщество.
6. Дискуссия о «конце национального государства»: аргументы за и против.
7. Сущность мультикультурализма как идеологии и политики.
8. Варианты и модели мультикультурализма.

9. Национально-государственные особенности мультикультурализма в западных индустриальных странах.
10. Коммунитаристское прочтение мультикультурализма: содержание и недостатки.
11. Понятие и виды национального меньшинства.
12. Международные механизмы защиты этнокультурных меньшинств и языкового многообразия.
13. Феминистская критика мультикультурализма.
14. Проблемы обеспечения религиозных свобод в условиях светскости и многокультурности современных государств.
15. “Русский вопрос” в постсоветской России: содержание, исторические корни, факторы актуализации.
16. Основные способы определения “русской / российской нации” в современных условиях.
17. Дискуссия о нации и национализме в отечественной социальной науке.
18. Особенности современного русского национализма.
19. Постсоветская этнонациональная политика: этапы, цели, идеологическое обеспечение.
20. Причины и факторы роста национализма в Российской Федерации в 1990-е гг.
21. Эволюция концепции российского федерализма: особенности этапа 2000-х гг.
22. Идея «поли- (много-) культурного образования» в современной России: направления, способы и проблемы реализации.

**Примерная тематика учебных работ
по курсу «Нация, нациестроительство и мультикультурализм»**

1. Идеология и политика мультикультурализма: контекст, история, этапы развития.
2. Мультикультурализм в США: исторические вызовы и способы аккомодации культурного многообразия.
3. Особенности мультикультурализма в Канаде: достижения и проблемы.
4. Австралийский вариант реализации культурного разнообразия в последней трети XX – начале XXI вв.
5. Специфика возникновения и легитимации мультикультурализма в европейских странах (взять пример конкретной западноевропейской страны, реализующей свой вариант мультикультурного развития, например, Великобритании, Бельгии, Швейцарии и др.).
6. Мультикультурализм в странах Азии: источники, актуальные проблемы и пути их разрешения.
7. Теоретико-методологические основания мультикультурализма: критическая перспектива.
8. Теоретико-методологические основания мультикультурализма: перспектива легитимации либеральных прав меньшинств и разнообразия.
9. Мультикультурализм и национализм: сходство и различия.
10. Либеральная теория прав меньшинств У.Кимлики.
11. Мультикультурализм и концепция «совещательной демократии» С.Бенхабиб: критический анализ.
12. Толерантность как стратегия в отношении культурного многообразия: возможности и ограничения.
13. Феминизм и мультикультурализм: общее, особенное, источники конфликта.

14. Современные теории национализма: оценка состояния национального государства в эпоху глобализации.
15. Этничность и идентичность в государствах Средней Азии: права меньшинств и мультикультурализм.
16. Вызовы мультикультурализма в современной России.
17. Мусульманская молодежь и миграции в европейских странах (взять пример конкретной западноевропейской страны).
18. Религия, светскость национального государства и мультикультурализм.
19. Стратегии и методы исследования миграций и иммигрантских групп.
20. Стратегии и новые методы исследования межэтнических отношений в условиях многокультурности.
21. Стратегии и методы исследования языкового многообразия и этнокультурных идентичностей в поликультурном обществе.
22. Концепции поликультурного образования: за и против.
23. Поликультурное образование в российском обществе: история и современность.
24. Образование иммигрантов как канал социального включения и интеграции.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ ПРЕЗЕНТАЦИЙ И ОТЧЕТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ:

В рамках курса «Нация, нациестроительство и мультикультурализм» магистранты осваивают навыки по подготовке устных презентаций и письменных аналитических записок (отчетов) на основе изучения материалов подготовки к коллоквиумам и выбора кейсов (в том числе видеокейсов) для фокусированного рассмотрения. Отбор кейсов определяется неделями курса обучения и соответствующей темой; в качестве возможных кейсов могут выступать национально и территориально специфические формы национализма, этнических, национальных, религиозных, языковых меньшинств и иммигрантских групп, моделей мультикультурализма, форм реализации многокультурности, например, в системе образования, резонансные события местной, региональной, национальной и международной жизни.

В отличие от устной презентации на семинаре / коллоквиуме другая форма самостоятельной работы магистрантов - аналитическая записка выполняется письменно в виде отчета по изученному кейсу. В итоге она имеет объем 3-4 страницы с кратким изложением фактов по выбранному кейсу и преобладающей по величине интерпретационной частью, в которой конкретный случай самостоятельно оценивается студентом в контексте изучаемых теоретических подходов и концепций; формулируются аналитические выводы по содержанию, значению и социальным следствиям рассматриваемого кейса.